

Чижиков С.С.

Тайны

Стихий

Часть первая

18+

Сергей Сергеевич Чижиков

Тайны стихий. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63739956

SelfPub; 2024

Аннотация

Миллиарды лет существует реальность, управляемая таинственными правилами, наполненная секретами.

История, вырванная из бесчисленных лет бытия, в которой самые разные люди в очередной раз попытаются разгадать все тайны, начинается сейчас. Герои не ведают цели путешествия, не знают, куда идти, они могут быть незнакомы друг с другом. Чтобы только вечность совершила еще один виток, все стерлось и вновь родилось, они обязаны раскрыть все тайны стихий. Они будут сражаться, бежать и прятаться, бесцельно скитаться, собирая ответы по крупицам. А в ответах на все вопросы – причина существования мироздания.

Содержание

Пролог	4
Стекло	7
Лёд	22
Ночь	46
Искра	64
Стекло	83
Ночь	95
Искра	107
Ночь	132
Лёд	154
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Сергей Чижиков

Тайны стихий.

Часть первая

Пролог

На севере, запертый между тремя горными системами, припёртый двумя крупными странами-соседями, стоял город Георг. Он был назван так в честь своего основателя, великого и несокрушимого покорителя севера, хотя многие сомневались в его существовании, считая легендой. Последний город-государство в истории, обладающий развитой промышленностью, Георг независим и горд по сей день, выстояв за века в нескольких войнах с грозной империей. Раз за разом неумолимо растущее и набирающее мощь Цинское царство пыталось захватить земли Георга, бросая на это всё больше сил, однако город выстоял. Кто-то связывал это с технологическим превосходством свободного города для своего времени; другие говорили, причина в невероятной храбрости жителей Георга; третьи находили победы мистическими, связанными со злыми силами, что поселились в этих краях.

Георг как государство состоит из собственно города и предместий, где во множестве маленьких поселений выра-

щивали пищу, разводили скот и занимались ремёслами. Южнее предместий начинались «дикие земли», охватывающие территорию много большую, чем весь Георг. Это казалось странным, но до сих пор существовала земля, считающаяся ничейной, не захваченная ни Георгом, ни другими крупными державами. Как и в случае с Георгом, захват этих земель всегда был неудачным, но ни одной битвы не состоялось: то болели солдаты, то начинался мятеж, иногда погромы внезапно вспыхивали в стране-завоевательнице. Люди сочли дикие земли проклятыми, их оставили в покое, и лишь Георг медленно продвигал своё влияние на юг, стараясь не захватывать, а убеждать.

С развитием порохового оружия, с появлением поездов, пока почти исключительно грузовых, работающих на пару, Георг плавно утратил превосходство – нынче крупные страны развивались уже куда стремительнее. Вместе с тем самый грозный из соседей Георга остановил попытки захвата, объявил сотрудничество, и теперь постепенно переманивал город на свою сторону, вместо того, чтобы воевать. Наступало иное время, цивилизация отсеивала слабых. Пусть и самый большой на севере, но всё же маленький в сравнении с целыми странами, Георг уступал и вскоре почти неизбежно будет поглощён экономически и политически.

Однако с новыми возможностями современного мира внезапно появились совершенно неожиданные проблемы. Пробуждались некие силы, борьба с которыми отнимала у

государей всё больше ресурсов, а присутствие таинственных сил лишь ширилось. Просыпалось очень древнее явление, остановить которое просто невозможно. Самые суеверные крестьяне в предместьях Георга шептались о том, что наступает конец света.

Стекло

Май, третий год Патриарха.

Почти на самой южной границе предместий Георга находится поселение Бриц. За последние годы Бриц вырос в разы, так как люди из «диких земель» переселялись сюда довольно охотно. Бывшие южане принимали законы Георга, его гражданство, получали работу в сельском хозяйстве, строили дома и заводили семьи. Теперь они могли дать образование своим детям, получить защиту и другие гарантии. При этом они не так много теряли, ведь Бриц был совсем близко к диким землям, во многом пропитался их особенностями, верования и убеждения почти целиком совпадали. Конечно, власти Георга старались искоренить «дикость», пришедшую с юга, но давалось это с трудом.

Земли южнее звали дикими за нравы и культы, ведущие к «чёрной магии», за аморальные, с точки зрения горожан, ценности. Там по сей день можно встретить «прорицателей», услышать рассказы о гигантском дереве, что доставало ветвями до небосвода, увидеть жестокие ритуалы. Законы на «юге севера» условны, многие продиктованы страхом перед духами и злыми существами из Старого леса. Постепенно власти Георга уговаривали людей отказываться от суеверий, присоединяться к цивилизации и просвещению. Этот процесс был долгим, пока поддавался лишь Садор, городок юж-

нее Брица, и его окрестности, до окончательной победы ещё далеко. Плавно и медленно, Георг рассчитывал с годами отщипнуть кусочек неприступного края, не прибегая к войне присоединить его к своим территориям.

Пограничным Брицем управляет семья Аян, а точнее её глава – Теллек Аян. Дед Аяна был полководцем Георга, он участвовал в отражении вторжения Цинского царства много лет назад, победил вражескую армию, превосходящую силы Георга в разы. Он был героем, удостоился самых разных почестей, но нынче его подвиг забыт. Спустя годы, припоминая десяток провальных войн с Георгом за свою историю, Цины окончательно отказались от войны, заключили пакт о вечной дружбе, договоры о торговле и всячески избегали воспоминаний о своих поражениях. Возможно, именно поэтому героического деда Аяна более никто не знал. Совет Георга, вероятно, счёл, что лучше жертвовать воспоминаниями, чем рисковать началом новых конфликтов. Впрочем, деда Аяна начали забывать намного раньше.

От предков Аяну достался в управление Бриц, дом да ещё пара знакомых в совете Георга. У него нет ни влияния, ни больших денег, а его фамилию в городе многие стараются не упоминать, а большинство просто не знает. Главным сокровищем Аяна была дочь – красивая молодая девушка по имени Анна, играющая сейчас в саду среди яблонь; она гонялась за весёлым серым щенком, подаренным ей на день рождения. Недавно старая собака, которую она так любила,

умерла, и Анна очень переживала, потому Аян подарил ей этого маленького непоседу.

– Господин... – позвал знакомый голос сзади.

Это был его помощник Пётр. Не ахти какой из него помощник, но остальные были, как правило, ещё хуже. Этот парень был странным, его глаза безостановочно бегали туда-сюда, словно какой-то тик, он бывало терял нить беседы, говорил нечётко и бессвязно, с трудом объясняя свои мысли. Ещё больше в нём раздражало, что он тайно восхищался Анной. Аян понимал, что в его прекрасную дочь легко влюбиться любому, но бегающие глаза Петра будто отражали скачущие в его голове пошлые мыслишки. И это помимо того, что Пётр был никем, простым и бедным пареньком.

– Господин? – чуть более настойчиво и слегка вопросительно вновь позвал Пётр.

Аян не повернулся и на этот раз. Он продолжал смотреть из окна на Анну, кружащуюся в своём белом платье. После заключения пакта о дружбе с Цинами, патриарх Георга поднял брачный возраст до восемнадцати лет, как это принято в Цинском царстве и большей части остального мира. Если бы не это, то Анна могла выйти замуж ещё пару лет назад. Все вокруг восхваляли дипломатию патриарха, ибо войнам с Цинами пришёл конец, они даже назвали в честь этого сана текущий век. Однако Аян не особо доверял договорам с Цинским царством, а реформы патриарха порушили его планы. Анну нужно как можно скорее выдать замуж, лучше за

того, кто сможет и обеспечить её, и защитить в эти суровые времена.

– Господин!

– Да-да, – Аян неохотно отвернулся от окна. Ему хотелось вдоволь насмотреться на дочь, ведь вскоре с ней придётся расстаться надолго. В сущности, это невозможно, сколько ни смотри, но Аян продолжал пытаться запечатлеть в памяти счастливую девушку, чтобы подольше носить воспоминание с собой.

– Здравствуй, Пётр. Как твоё путешествие в Садор? – спросил Аян.

– Я встретил посыльного по дороге к дому, он сказал передать вам письмо, – промямлил помощник, протягивая конверт. – А ещё велел передать, когда вы прочтёте письмо, что они всё же проведут шествие.

Мысленно отметив глупость Петра, не отвечающего на прямые вопросы и передающего сообщения вопреки инструкциям, Аян распечатал конверт. Письмо было от господина Кирра, одного из его знакомых в совете Георга. Обычно Аяну слали письма из канцелярии совета, где работал друг его покойного отца, оповещающий Аяна о новых законах и инициативах, сейчас же текст написал лично Кирр.

– Хм, странно, Кирр зовёт меня в город, – вслух думал Аян, читая письмо. – Хотя я и так собирался отвезти туда Анну и Иссу.

– Вы увезёте их? – спросил помощник, его глаза быстрее

забежали.

А может, просто показалось. Аяну всегда чудилось, что при упоминании Анны Пётр начинает нервничать. Аян старался говорить о дочери пореже, когда помощник рядом.

– Он очень настойчив, даже слишком, – продолжал читать Аян, игнорируя вопрос Петра, и вдруг воскликнул: – Невозможно!

– Что?..

– Он пишет, что поймали колдунов прямо в городе! Несколько человек!

– Как? Настоящих?

– Не знаю, – покачал головой Аян. – Во время весеннего перезвона, на площади, прямо на церемонии. Может, просто торгошаи амулетами? Или?.. «Читали неизвестные заклинания, находясь в толпе людей, сотни свидетелей...», – прочёл он.

– И что стало? – втянул воздух Пётр.

– Ничего. Их схватили и доставили в тюрьму.

– А как же заклинания?

– Чушь какая-то, – вздохнул Аян, проверяя оборот письма, но там было пусто. – Я послал несколько запросов про посты у Садора, вот уж где чёрная магия, а они обеспокоены какими-то чтецами заклинаний. Любой глупец может выйти и проговорить околесицу на улице. Другое дело сжигать посты Георга. Так как ты съездил в Садор?

– Рассказывают страшное, господин, – ответил Пётр. –

Красноглазые великаны много лет живут в Старом лесу, пьют кровь и набираются злой магии.

– Какие ещё великаны? Про посты люди что-то говорят?!

– Это они, господин. Пришли из леса в деревню, потребовали кровавую дань, а деревенские им отказали, сослались, говорят, на защиту монахов, а те, в смысле, не монахи, а великаны, они давай и сожгли деревню целиком. А потом побежали, а монахи их догнали...

– Подожди, – остановил его Аян, добавив к слову жест. Пётр, как обычно, нёс какой-то бред, в его рассказах часто сложно разобраться. – По порядку. Какая ещё деревня?

– Маленькая совсем, в стороне от Садора, не признают Георг.

– Угу. Разбойники пришли в деревню...

– Красноглазые люди, огромные, – с благоговением прошептал Пётр.

– Ограбили деревню и сожгли её?

– Просто так сожгли. А забрали только девочку одну, молодую. Так сказали.

– Похитили девушку, вот мерзавцы... – выдавил Аян. Он сочувствовал бедняжке, вынужденной теперь, по-видимому, выполнять все прихоти бандитов. – Раз они сбежали, то почему сгорели посты Георга?

– Вот я и говорю, что за ними погнались сперва наши солдаты, увидели, значит, дым. Они солдат перебили, а потом в отместку пошли на посты. И пожгли их, всех перебили.

– Выходит, разбойников было очень много. Они не успели отступить после ограбления деревни... но зачем нападать на посты, это же безумие? На обоих постах была сотня солдат, пусть часть погибла при погоне, но сколько же было разбойников?

– Сказали человек десять.

– Десять?! Невозможно! Десяток негодяев перебили оба наших поста, сожгли их и скрылись?!

– Красноглазые великаны...

– Выжили только двое, они все в ожогах, едва живы и бубнят что-то про чёрную магию. Но я надеялся, что ты опровергнешь эти слова!

– Напились крови девственницы и...

– Бред какой-то! Глупые сплетни! Великаны... А откуда в Садоре точно знают, сколько их было?

– Они приходили, потому и знают. Сразу после постов. Требовали еду, им дали, чтобы город ещё не пожгли.

– И сколько еды банда забрала? Садору угрожает голод?

– Брали только то, что долго хранится, немного, их же десять всего было. Все покинулись, пустяки, лишь бы не трогали.

– Немыслимо... – вздохнул Аян.

– А потом на них накинудись монахи и погнали в лес. В Старый лес, который также проклятым зовут.

– Столько там мракобесия накопилось... Какие ещё монахи?

– Шу.

– Чего? – Аян решил сперва, что помощник просто чихнул.

– Так они называются, господин, – Шу.

– Дурацкое какое-то название. Местная религия?

– Я не понял как-то, – сморщился Пётр. – Их монастырь где-то недалеко стоит, наверное. Сказали, они напали на великанов с праведной силой, погнали их прочь.

– То есть ты узнал, что сотня наших солдат погибли от рук великанов, а некие монахи отбились от них голыми пятками?

– Вроде, монахи тоже потеряли кого-то...

– Ну и история! – воскликнул Аян, вновь поворачиваясь к окну. Он вновь смотрел на дочь: Анна сидела под яблоней, расчёсывая свои каштановые волосы.

Огненные великаны, пьющие кровь? Такое возможно? Дикая земля потому и дикая, что там много разных суеверных страхов. По мере того как в Брице селилось всё больше бывших жителей Садора и его окрестных селений, здесь чаще и чаще ходили слухи о магии и разного рода проклятиях. Аян старался не допускать расползания глупых историй, но просто запретить это было бы бессмысленно. Запретами делу не поможешь, важно объяснять людям позицию здравомыслящих людей. Сила в разуме, он может объяснить и понять любую сущность.

Впрочем, не так всё просто. Церковь Георга хоть и пропо-

ведовала силу разума человека, но не спешила отрицать существование магии и злых духов. Позиция церковников была куда запутаннее, они говорили, что магия возможна, но аморальна, она развращает и губит. Аяна пугала эта мысль, так получалось, что великаны могут быть не преувеличением необразованных селян, а чем-то близким к реальности. Не каждый соглашался с неопределенной позицией церкви, ведь магии никто никогда не видел. Любимый писатель Анны и Иссы, жены Аяна, как-то высказался следующим образом: «Смешайте вместе любые травы, покрепче, ничего не объясняйте, – это магия; смешайте совершенно определённые, докажите, что они лечат, – это наука».

Аян понемногу тонул в тревоге. Что будет дальше? Как ему быть, если великаны придут в Бриц? Возможно, стоило готовить людей к тушению пожаров. В Брице есть пожарный ход, но одного не хватит против какой-то проклятой силы пламени. Георг же, в лице совета, не слишком беспокоился о потерянных постах, похоже, их это и вовсе не волновало. Они не прислали ни подкреплений, ни каких-то распоряжений. Граница теперь стояла открытой, а у Садора орудует смертоносная банда.

– Собирайся, Пётр, – сказал Аян. – Мы повезём Анну и Иссу в городской дом.

Помощник, немного помедлив, вышел. Аян смотрел вниз на дочь. Он не верил в богов, в Георге так не принято, но в глубине своих мыслей молился, чтобы с ней ничего не слу-

чилось.

* * *

Спустившись на первый этаж спустя полчаса, Аян вышел в сад. Здесь цвели яблони, одевшиеся в белоснежные цветы. Дорожки были усыпаны лепестками, в воздухе ощущался нежный аромат, и среди всего этого кружилась счастливая и безмятежная Анна, одетая в белое платье. Серый щенок гонял листья и лепестки, поднимаемые ветром с земли.

Анна была прекрасна, на зависть всем его дочь славилась красотой, не будучи при этом неженкой. Каштановые волосы доставали ей до плеч, маленький, изящный носик она унаследовала от матери, а светло-голубые глаза от отца. Анна, увы, не отличалась идеальным послушанием: любила гулять по городу, когда они жили там, уходила без спросу, жила у подруг и даже, к шоку её матери, у малознакомых людей. Словом, девушка была слишком смелой и подвергала себя ненужной опасности. Она могла легко уйти гулять по лесу, никому не сказав ни слова, или доехать до другого поселения с попутным торговцем. Только чудом красавица Анна не наткнулась до сих пор на какого-нибудь негодяя, не сумевшего устоять перед юной девушкой.

– Здравствуй, папа, – приветствовала его Анна.

Когда она была в Брице, то часто находилась в саду. Она практически выросла в этом саду: читала, играла, даже спа-

ла здесь, если было достаточно тепло. Став взрослой, Анна не оставила привязанности к саду. Не введи патриарх своё ограничение, Анна уже два года была бы замужем, но из-за этого всё сорвалось. Теперь Аян планировал найти дочери защитника, способного оградить её от разных бед. Только где же такого взять? Вокруг одни детишки членов совета, у которых фамилия Аян вызывала только оскомину, а всех достойных мужчин успели разобрать.

– Пойдём, родная, поговорим, – позвал он её.

На другом конце сада стоял старый склеп, в котором уже давно хранили ведра, грабли, метла и другие полезные вещи. Гробов там, разумеется, не было.

– О чём речь? – спросила Анна, когда они подошли к склепу и остановились.

– Мы отправляемся в город, – сообщил ей Аян, – потому я хочу взять с тебя слово, что ты не будешь покидать городской дом.

– Мне сидеть там всё время? – удивилась Анна. – Даже на шествие пойти нельзя?

– Что же... на шествие можно, но только в моем сопровождении. А затем я уеду обратно, а вы с матерью останетесь там, – ответил Аян.

– Почему? Что вдруг такое? – поразилась Анна. – Внезапно решил пожить дома один?

– Происходит разное! В городе схватили колдунов, пишут, что они пытались проклясть толпу во время весеннего

перезвона!

– Колдунов?! Чушь!

– Анна!

– Эти разговоры про магию... неужели ты веришь в это?

Ты читал Айзенка?

– Анна! – строго повторил Аян.

Исса обожала этого писателя, потому давала дочери его книги постоянно. Чем старше становилась Анна, тем более сложные книги получала от матери. В этом смысле они были похожи, обе отвергали любые помыслы о магии, тогда как церковь Георга была не так решительна. Аян не читал Айзенка и не хотел, чтобы Анна читала. Молодым лучше вникать в мысли о сложности и непостижимости мира, а не о его полной изученности и управляемости. Отсюда и безрассудство Анны, если подумать.

– Если бы магия существовала, то была бы всегда, – явно цитировала Анна. – её можно было бы объяснить научно. Но тогда это и не магия вовсе!

– Порох тоже был возможен всегда, но изобрели его сравнительно недавно, – парировал Аян. – Расскажи ты нашим предкам о взрывающемся порошке, они бы тоже решили, что это магия. Не спеши судить. Магия может быть каким-то трюком, может, это неизвестный закон природы, а может, что-то ещё. Но нужно опасаться!

– Стало быть, ты веришь в сделки с демонами и в людей мечущих огонь? – с явным скепсисом спросила Анна. – В

красноглазых великанов и магию духов?

Определенно Анна уже слышала слухи, сам Аян их избегал, потому и послал Петра выяснить события толком. Сведения Петра, выходит, от слухов ничем не отличались.

– Я... сомневаюсь, но не спешу делать выводы.

– Из-за сомнений я должна сидеть дома?

– Для твоего же блага! Неужели обязательно спорить? – возмутился Аян. – Ты, порой, как будто просто хочешь поспорить со мной! Это не шутки, Анна!

– Хорошо, папа, – смирилась дочь.

– Обещай, что не уйдёшь без спросу! Ни к каким твоим подругам по переписке, ни просто бродить по городу!

– Обещаю, – закатила глаза Анна. – Это на всё лето?

– Пока не уляжется. Затем я постараюсь найти тебе достойную партию...

– Ой, папа, может, не надо об этом, – настроение Анны сразу же испортилось, лицо буквально скисло. – Почему я не могу просто общаться с людьми и выбрать кого-то? Эти статусные браки – жуткий пережиток прошлого.

– Обсудим это в другой раз, – твёрдо заявил Аян.

Разговор пошёл не в то русло и грозил опять перейти в скандал. Анна сопротивлялась некоторым традициям, что было ожидаемо. Вовремя не отдав её замуж, Аян постоянно жалел об этом, теперь приходилось ждать из-за дурацких решений старика патриарха. Со временем характер Анны лишь обрстал своеволием, столь свойственном современной мо-

лодежи. Это не слишком хорошо для носительницы фамилии Аян.

– Будь осторожна, родная, – Аян поцеловал дочку в лоб и направился обратно в дом.

Едва он отошёл на несколько шагов, как услышал вопль. Обернувшись, Аян увидел нечто странное: прямо из садовой дорожки вылезли полупрозрачные щупальца, будто сделанные из стекла, и схватили Анну. Девушка сопротивлялась, но странные щупальца всё равно опутали её. Аян кинулся к дочери и тут же получил удар, его отбросило в сторону на несколько шагов.

– Демон!.. – выдохнул Аян. – Что ты хочешь?! Отпусти её!

Щупальца не прислушались и продолжили своё дело, они подняли Анну на полметра над землей и стали тянуть её руки к небу, а девушка всеми силами пыталась прижать их к себе. С воплем Аян кинулся ещё раз, и нечто вновь оттолкнуло его, на этот раз куда сильнее. Аян ударился спиной о ствол яблони и упал. Сильная боль сковала движения Аяна, он не мог подняться и принялся ползти в сторону сражающейся с щупальцами дочери.

– Отпусти её! Мы восстановим склеп, сделаем, что хочешь! – кричал Аян, больше в землю, чем в сторону щупалец.

Анна перестала бороться, и щупальца подняли её руки вверх, раскрыли силой ладони и направили взгляд на небеса. Теперь Анна парила над землей в такой позе, словно моли-

лась облакам. Странное стекло не повредило садовую дорожку, просто проходя её насквозь, будто было призрачным. Таинственный женский голос стал нащёптывать Анне на неизвестном языке.

Аян не понимал слов, он даже не мог понять, где какое слово заканчивается. Язык был совершенно чужеродным и немелодичным. Голос закончил свою тираду торжественным возгласом:

– Оракуль!

В воздухе перед Анной появился квадрат белого цвета, он тут же разделился на несколько частей, и эти части поровну влетели в каждый глаз Анны. Щупальца исчезли, Анна упала на землю, обессиленная и напуганная.

Лёд

Июнь, третий год Патриарха.

Традиционное шествие Георга в честь первого летнего дня было, как всегда, пышным и торжественным. На площадях и рядом с церквями ставили лотки, продающие разные вкусности, сладости и выпечку. Но чтобы попасть в самый центр торжества, нужно было заплатить небольшую сумму в фонд церкви. Проходы на главную площадь, как и сами ящики для взносов, сторожили по два человека. Они были в касках и форме, как охрана порядка, только сегодня их одежда была пышной, чистой и нарядной, со всякими ленточками, вдетыми в петельки. Люди на площади гуляли и смеялись, где-то танцевали, играла музыка, на ветру развевались флаги: жёлтые, красные, зелёные. Лето – это всегда праздник, все радуются теплу и солнцу, но Лемов как-то больше любил зиму.

Лемов ещё раз бросил взгляд на праздник и продолжил идти по улице. Большая улица, примыкающая к главной площади, была выложена брусчаткой. Здесь тоже было много народу: впереди шла процессия, размахивающая флажками и яркими плакатами, сообщающими о скором завершении очередной ветки железной дороги и появившейся возможности ездить в Цинское царство, на запад, дешевле и быстрее. Поезда стучали колесами только за пределами города, а

внутри его все шли пешком, на равных, в основном потому, что сегодня лошадей в центр не пускали. В чём была причина запрета, Лемов не знал.

Самые красивые дома были здесь, в центре. Во всех были квартиры с трубами для питья, мытья и отопления. Дома в пять этажей и множество окон, из некоторых выглядывали люди. А на редких балкончиках порой сидели разодетые женщины, важно взирающие на проходящих по улице. При появлении шествия даже их, таких важных и размеренных, охватили возбуждение и восторг. Но Лемов остался безразличен как к хмурым взглядам на его обычную одежду, так и к процессии, медленно продвигающейся по улице, к гулу, толпе и цветастым украшениям. Только очень уж здесь было шумно. Ещё тёмно-серый цвет домов угнетал Лемова, он не любил этот цвет, но тот был повсюду.

Праздник старался спрятать мрачность городского камня под пёстрыми флажками, натянутыми на верёвках, плакатами и другими атрибутами, но этого было недостаточно. Да и яркие цвета были слишком уж яркими. Сейчас Лемов предпочёл бы тихое местечко, где не было никаких украшений. Да что там, он предпочитал его всегда. Чердак, где жила Рыжая, был как раз таким местом. Туда он и шёл, хотя это была далеко не самая короткая дорога. Быстрее всего идти по улице Воробьёв, но глянуть хоть одним глазом на праздник тоже хотелось. К тому же будет что сказать Рыжей, ведь она обязательно спросит.

Центр заканчивался полуразваленной стеной. Будь она целой, была бы выше всякого здания в городе. Это была старая граница города, но уже очень давно никто не строил стены: городу нужно расти, а стены этого не позволяли. Лемову попала на глаза очередная плакатная доска. Ещё недавно она пестрила предупреждениями вида «будь бдителен, гражданин, повсюду еретики, сторонники магических сил». Теперь на ней были красочные плакаты с горами, лесами, реками, всё пестрело зеленью, цветами и бабочками. Люди сами делали их и расклеивали повсюду – местная традиция.

«Любят они это дело», – подумал Лемов.

Про еретиков говорили многие, даже сейчас двоих мужчин в приличных, но не особо роскошных костюмах посетила та же мысль. Лемов прошёл мимо них. Под «еретиками» имелись в виду какие-то колдуны-волшебники. На площади три недели назад поймали пятерых мужчин. По заверению людей, стоявших на празднике весеннего перезвона, они говорили не открывая рта на неведомом языке. Продавец на Обветшалом рынке не так давно собрал толпу, рассказывая, как схватил ещё одного. Якобы стеклянные руки вылезли из земли, говорил он, и выхватили душу несчастного, утащили её под землю. Сам торгош уверял, что отбил от нечистого исключительно силой воли и поминанием своей благородной матушки.

Пробираясь от центра, Лемов прошёл мимо пожарной вышки, с которой дежурный терпеливо высматривал нет ли

где дыма или пламени. Он зазвонит в колокол, если что, в этом можно не сомневаться. Рыжая живёт чуть дальше – в доме на повороте. Не было в этом районе ничего примечательного, разве что улица Воробьёв изобиловала лавками, в одну из них и нужно Лемову. В бакалее трудились оба родителя Рыжей, её отец подвозил припасы на тачке и складировал в одной из комнат магазина, а мать была торговкой, но часто отец Рыжей подменял её. Собственно, семейство не только работало в лавке, но и жило в ней же. В задней её части, если точнее. Они жили здесь вчетвером: родители, Рыжая и её младшая сестра, совсем ещё маленькая девчушка. Жить в лавке было тесно и неудобно, почти всё пространство отвели под товар; Лемов каждый раз поражался, как семейство ещё не передралось в такой тесноте.

Сбоку от здания была лестница, ведущая прямо с улицы на второй этаж, где располагался «чердак». Точнее, каморка, тоже принадлежащая бакалее. Как так получилось, что над лавкой была каморка, – загадка, но отец Рыжей пользовался ей как дополнительным складом для некоторых товаров. И сама Рыжая обитала здесь, когда было достаточно тепло.

Рыжая, как всегда, сидела и рисовала что-то на листках. В этой каморке она либо читала, либо рисовала – третьего не дано. Ещё иногда они болтали, но она умела совмещать это с другими занятиями. Каморка была заставлена ящиками, из которых Рыжая соорудила себе стол и место для сидения, поставив ящики друг на друга. Лемов зашёл ей за спину и

глянул на лист. Нет, зря он подумал про рисование: она решительно избегала художеств, и потому чертила под линейку простым карандашом. Её научили писать правой рукой, но чертила она всё равно левой.

– Символ п...плодородия, – сообщила Рыжая заикаясь.

– Марание бумаги, – прокомментировал Лемов.

– Дурак, – ответила Рыжая.

Содержательная вышла беседа. Лемов сел на один из ящиков и стал ждать, откинувшись к стене, когда она дочертит какой-то ромб с иероглифом внутри.

Лемов думал о Рыжей, своей единственной подруге. Девушка была косою на левый глаз, сильно заикалась, особенно когда нервничала. Спазмы так сильно искажали её лицо, что Рыжая начинала казаться откровенно уродливой. Её дразнили сверстники, а порой даже взрослые люди, намекая, что родителям будет трудно «сплавить» такую дочурку. Но Лемову нравилось в компании Рыжей. Она не была такой же серой и пустой, как городские стены, но и такой яркой, как надоедливые городские украшения. С ней было спокойнее.

– Видел п...праздник? – спросила она.

– Видел. А что?

– Думала, они ещё п...появятся.

– А, эти твои колдуны. Осьминогов, пожирающих души, я не видел. Зато точно видел хранителей коробок для пожертвований, они не пустят туда негодяев, не переживай.

– Они настоящие, Л...Лемов, – Рыжая повернулась к

нему. – И это сдержать н... нельзя – оно приходит куда хочет.

– Может, есть оберег какой, ты там не вы?читала?

– Нет оберега!

– А жаль. Думаю, вот: повешу-ка на шею головку чеснока, там, или помидор какой, и бестии меня не тронут.

– Ты всё шутишь, Лемов. Отнесись с...серьёзно.

– Осина! – снаружи позвал знакомый голос.

Рыжая бросилась убирать рисунок (или, может, чертёж), а Лемов встал, чтобы посмотреть, что случилось. Каждый раз его посещала одна и та же мысль: почему родители назвали её Осиной? Назвать бы её рябиной, думал Лемов, но вновь гнал эти мысли прочь.

– А, это ты, – сказал отец Рыжей, едва дверь открылась. Он как раз только начал подниматься по лестнице. – Я-то думал, она не слышит. Скажи, там мать зовёт. А ты, пойдём-ка со мной!

Когда они оказались внизу, он указал на пару мешков, лежащих на дороге.

– Давай-ка подсоби. – Он взвалил на спину один из мешков. – Ты у нас парень молодой, здоровый.

Он воспринимал Лемова, похоже, как будущего зятя. Много раз Лемов порывался сказать ему правду. Да, Рыжая была его подругой и приятной собеседницей, в том смысле, что говорили они мало, а больше обменивались пустыми фразами. Порой она рассказывала увлекательные, хоть и бессмысленные, по мнению Лемова, вещи. Девушка интере-

совалась мистицизмом, но как-то по-особенному, не так, как это делала мать самого Лемова. Однако воспринимать её в таком ключе, как было угодно её отцу, господину Беллек, не хотелось совсем.

Слов для правды в лицо не нашлось, пришлось взять мешок и потащить его следом за отцом Рыжей. Заказ был обычным делом: не всякий покупатель хотел тащить мешки сам, поэтому за это платили отдельно. Услуга по доставке делала бакалею более популярной, увеличивала количество клиентов. Лемов на миг подумал, что с ним поделятся платой. Однако господин Беллек, похоже, считал Лемова плавно входящим в семью, потому перетаскивание мешков пребывало в статусе регулярных семейных обязанностей. Переубеждать его означало бы сказать неудобную правду в лицо, потому Лемов отказался от этого.

Когда они дошли до частного дома с небольшим садиком сзади, огороженным кованым забором с узорами, отец Рыжей сбросил мешок у входа и постучал. Дверь открыл сутулый чернявый парень с бегающими глазами, одетый в чёрную куртку, висящую на нём мешком.

– Мука по первому сорту, – заявил отец Рыжей. Затем он повернулся к Лемову: – Спасибо, парень, дальше я сам.

Скинув мешок, Лемов подумал, что спасибо всё же лучше, чем ничего. Пока чернявый рассчитывался, Лемов проскользнул в проулок между домами. Ему совершенно не хотелось идти обратно вместе с отцом Рыжей, ведь тот навер-

няка завёл бы нудный разговор, стал бы красочно рассказывать какую-нибудь жизненную историю. Во время таких бесед Лемову постоянно казалось, что вот-вот и господин Беллек перейдёт к щекотливой теме, начнёт намекать ему на семейные узы. По этой причине Лемов старался не оставаться наедине с родителями Рыжей.

Проулок между частными домами проходил как раз мимо кованного забора и садика, что позади дома чернявого. Это, скорее всего, не его дом, а парень просто управляющий. В тени небольшого каштана сидела девушка в симпатичном, но простом платье сливового цвета. У неё были красивые коричневые волосы и заплаканные глаза. О чём могут плакать жители таких домов? Наверное, о несчастной любви или о том, что станут вскоре жить попроще. Больше ничего в голову не шло.

– Чего ты хочешь? – резко спросила она.

Не нужно было, пожалуй, стоять и пялиться на неё через забор.

– Просто посмотрел.

Пора было отвернуться и идти уже, но хотелось ещё посмотреть. На фоне Рыжей эта девушка казалась ангелом, мифическим существом, спустившимся прямо с небес. Хотя слёзы немного портили впечатление.

– Ты же тут живёшь, в городе, да? – она продолжила и дала повод задержаться.

– Да.

– У вас тут правда есть колдуны?

– Видимо, да.

– Которых поймали и посадили в тюрьму? – Она заметно оживилась.

– Вроде посадили.

– Что они сделали? И зачем? Ты знаешь что-то об этом? – спрашивала она нетерпеливо, несдержанно. Девушка поднялась со скамейки, что стояла под каштаном, и подошла ближе к забору.

«И чего так нервничать?» – подумал Лемов, разглядев в её голубых глазах какую-то необычайную решимость. Лемов ответил:

– Говорили, будто рабочий с плавильни вдруг стал вещать на неведомом языке, прямо на площади. Но одна моя знакомая узнала из книг об исторических религиях, что это вроде... ну, бог там какой-то... Наподобие там... огня или ветра, я особо не вникал, да и запутанно всё это...

На самом деле Лемову было просто лень ей это пересказывать.

– Огня?

– Там много всяких разных сил. Там свои сложности.

– Подожди, ты сказал рабочий с плавильни? То есть это не чужие, а местные?

– Да. Продали души, как пишут на плакатах. Кому и почём – не пишут.

– Никто никаких душ не продавал! – неожиданно возму-

тилась девушка.

– Зачем тогда спрашивать, если ты и так знаешь?

– Я спрашивала как на самом деле, а не как они пишут! И я думаю, что эти люди ничего не продавали и ничего плохого не сделали!

– Видимо, им просто не повезло.

– Мне помощь нужна, – взмолилась она и испуганно оглянулась на дверь в огороженный садик. – Ты сказал, что знаешь кого-то, кто что-то прочитал, про утерянные знания, так?

– А ты сказала, будто не веришь написанному.

– Нужно же во что-то верить.

– Верить? Маги – тема популярная сегодня, но зачем тебе это? Боишься, они придут грабить богатые дома?

– Южнее уже грабят и жгут. И... мне ничего не говорят, отец запретил мне выходить из дома, мне нужно хоть что-то... я не могу больше просто сидеть и ждать.

– Ладно. Тогда как тебе версия, что древнее божество ищет себе сторонников среди плавильщиков, сапожников и мужиков, затарившихся на Обветшалом рынке? – Лемов понял, что с ней стало легче разговаривать.

– Как мне найти того, кто нормально ответит? Кто тебе рассказал про божество?

– Найди бакалею на улице Воробьёв и спроси Осину.

– А тебя как зовут?

– Я Лемов, – чётко ответил он, выделяя каждое слово.

– Это имя такое?

– Вообще-то, Инц, но лучше меня звать Лемов.

– А я Анна.

* * *

Несколько дней спустя Лемов, по своему обыкновению, сидел у Рыжей, в каморке. Это давно было вопросом привычки, и ноги сами шли сюда. В городе было мало мест, в которых можно скоротать время, там везде много людей, там шумно, серо и неуютно. Многие назвали бы город красивым, но он считал его красоту обманчивой. Манящий свет ночных фонарей, зажигаемых целой службой фонарщиков, дневные гудящие толпы, вечно спешащие прочь, плакаты, магазины, – за всем этим хорошо наблюдать со стороны, но не барахтаться в этом. Лемов представлял, что однажды заберётся на одну из пожарных вышек и посмотрит на город оттуда. Это будет верхняя сторона, но всё же уже не внутренняя. Дядя всегда говорил, что виднее тому, кто не увяз в суете. К слову, о дяде – тот опять пропадал на своих работах.

Люди всегда как-то кривились, услышав, что Лемов живёт с матерью и дядей. Это как-то неправильно, непонятно или несимметрично, как выразилась однажды Рыжая. Между матерью и дядей не было никаких любовных отношений, но после того, как отец Лемова неожиданно умер, дядя взял на себя заботу о семье брата, не имея собственной семьи.

Отец Лемова однажды просто схватился за сердце и умер. Говорили, он много трудился. Как дань этому, дядя трудился ещё больше. Он делал мебель не только на фабрике, но и умудрялся столярничать по выходным, накупив разных инструментов. Фанатичная приверженность труду и, в некоторой степени, дисциплине, вероятно, и разобщила их с племянником. Лемов предпочитал двигаться медленно, терпеливо, когда дядя говорил, что нужно спешить; Лемов скорее опоздал бы, чем позволил себе портить весь путь; он предпочёл бы уединение и тишину любому празднику. Дядя был не такой, и приходилось прятаться от него то на улицах города, то в каморке у Рыжей.

Между тем из головы не лезла девушка, что была за кованым забором. Категорически не умея рисовать, он всё равно попробовал вывести её лицо. Начинать осваивать это искусство с рисования женских лиц было дурной идеей, но думалось, будто сейчас рука сама пойдёт по листу, и нужный образ нарисует сам собой. Однако не получалось.

– Зачем ты это д...делаешь? – спросила вдруг Рыжая.

– Мечтаю, наверное.

– О том, что будешь жить в богатом д...доме? А красавица в т...тебя?..

– Нет, не об этом.

– В...врёшь, – сразу отрезала Рыжая скривившись. Настолько сразу, насколько могла заикаясь. – Или ты хотел бы пригласить её к своему д...дяде? Познакомить с мамой ок-

культисткой?

– Просто мараю бумагу. Могу, если хочешь, начать рисовать символы плодородия. Настроение такое – порисовать чего-нибудь.

– Каждому своё, Л...лемов. Тот д...дом...

– Я и с первого раза понял, спасибо.

Дом, как узнала Рыжая у отца, принадлежал какому-то чиновнику с юга. Сейчас городской совет был в процессе обсуждения нового закона, позволяющего признавать колдунов виновными во всех грехах заочно, поэтому многих участников больших заседаний созывали со всех окрестных земель. Без Рыжей он и не узнал бы в своё время, что, оказывается, заседаний бывает целых три вида, и если небольшие вопросы совет решает малым составом, то крупные требуют участия целой толпы – кучи неких, никому неинтересных людей. Совету виднее, если они хотят повесить всех, кто попал под раздачу какого-то там древнего бога. Они ведь, в конце концов, самые уважаемые люди города. Хотя дядя всегда твёрдо учил Лемова, что они лишь набитые кошелки, владеющие фабриками, а не мудрецы и благодетели.

– Я помню, Рыжая: нельзя связывается с богатеями.

– Сам ты рыжий!

Прозвище ей не нравилось. А ещё она любит кидаться обидами в ответ, и даже перестает заикаться, иногда, когда злится. Но назвать Лемова рыжим, что назвать ночь красной. Он был черноволосым, круглолицым и зеленоглазым,

при этом ему часто говорили, что у него тяжёлый, полупустой взгляд, навевающий скуку. Лемов не считал себя весёлым человеком, он почти никогда не смеялся, а из-за слов о взгляде старался реже смотреть людям в глаза. Он предпочитал держать свои мысли при себе, но получалось это не всегда. Люди обычно обижались, когда он говорил то, что думает.

– Пойми ты, это мечта меня подхватила. Это не из тех мечтаний, что должны непременно сбыться. Это такая мечта, вроде как... а что если бы сложилось так и эдак... – пояснял Лемов.

Он замечал, что ему плохо удается объяснять свои чувства. Кроме Рыжей, его мало кто понимал.

– Ладно, ты не такой уж и д...дурак, – сообщила ему Рыжая. – Но марать бумагу хватит! Нарисовал тут эту п...пучеглазую жабу, а не д...девушку совсем. А бумаги и так мало осталось!

Она отобрала листы, и теперь оставалось только сидеть без дела. За окном начинал моросить дождь – хороший повод задержаться. Не идти же домой под дождём? Но Лемов любил дождь, было в нём какое-то мистическое очарование. Во время дождя, от которого все бежали, как от пожара, человек, идущий по улице ровно и спокойно, принимая на себя каждую каплю, долетающую до него, – такой человек мог почувствовать себя всемогущим, пусть всего лишь на мгновение. И всё же не стоило мокнуть зря. Если дождь затянет-

ся, можно будет сказать, что выбора не было и пришлось намокнуть, а то ведь короткий дождь всегда легко переждать под любым козырьком какого-нибудь магазина.

В дверь постучали. Бакалейщик, ровно как и его жена, стучать не стали бы. Помнится, когда они с Рыжей только подружились, её отец заходил сюда постоянно под всякими предложениями, будто подозревая что-то недопустимое. За пару лет его поведение полностью изменилось. Теперь он приходил, только когда действительно что-то было нужно, и приветствовал Лемова как дорого друга, а заодно и как бесплатного помощника.

Лениво открыв дверь, Лемов обнаружил на лестнице ту самую девушку, которую никак не мог выкинуть из головы. Дождь ещё моросил, не становясь сильнее, с её волос капала вода, она куталась в куртку, похожую на куртку того чернявого парня.

– Здравствуй, – взволнованно сказала Анна. Так её звали. Он точно помнил имя, но в мыслях упоминать его было как-то не нужно – «таинственная незнакомка» куда мечтательнее.

– Да, – ответил Лемов. Хотелось и вовсе просто кивнуть, но как-то само вырвалось. – Пожалуйста. – Он пропустил её в каморку.

Девушка вошла и с волнением стала осматриваться. Бегло оглядев комнату, она присела без приглашения на краешек ящика. Рыжая молча смотрела на неё, почему-то пару

раз покосившись и без того косым глазом на листки, недавно отобранные у Лемова. Уж не сравнивает ли она гостью с «пучеглазой жабой» на картинке?

– Здравствуй, ты Осина? – наконец гостя нарушила тишину. Её вкрадчивый голос и полумрак каморки создавали эффект таинственности.

– Да.

– Я Анна. Анна Аян. Я сказала внизу, что я твоя подруга по школе. Мне сказали, можно подняться наверх.

– Значит, ты сразу начала в... врать?

И не просто врать, а нагло обманывать, так как все знали – с Рыжей никто не дружил, не было у неё никаких подруг. И чем более одинокой она была, тем больше погружалась в свои странные увлечения, и тем более одинокой становилась.

– Я не... – похоже, Анну смутило то, что Рыжая заикалась, да и начало разговора было какое-то резкое. – Простите.

Она как-то странно поглядывала на Лемова. С целью увильнуть от осуждающе-недоуменного взгляда, причины которого были неясны, он пошёл зажечь лампу.

– Твой друг сказал мне, что ты знаешь о колдунах... Можешь рассказать мне, пожалуйста?

– Ты по правде решила, что в магазине к... консервов тебе расскажут о колдунах?

Теперь Анна молча швырялась испуганными взглядами. Может, её напугало, что она пришла зря?

– Я могу немного заплатить, – вдруг предложила Анна. –

Поймите, я убежала из дома, это не так-то просто. Мой папа он... очень боится. Кое-что случилось. У вас тут тоже такое происходит! Он сказал мне, ты читала книги и хоть что-то можешь подсказать! – она кивком указала на Лемова.

– Читала.

Конечно, читала, причём исключительно старые и странные книжки. Ящик консервов за потрёпанную книжку – хорошая сделка. Так Лемов познакомился с Рыжей: она попросила одинокого паренька помочь дотащить ящик втайне от отца, чтобы тот потом думал, что обсчитался. С тех пор таскать тяжести для этой семьи стало уже в порядке вещей.

– Расскажи мне, очень прошу! Знаю, это, наверное, легенды или... я с ума так сойду! Есть ли какой-то способ справиться с этим?.. Мы очень напуганы!

– Так это с тобой случилось? Ты у нас к... колдунья?

– Точно не знаю... наверное, – она кивнула, медленно.

Надо бы удивиться, но Лемов за последние дни сам уже пришёл к этой мысли. Зачем ещё она спрашивала бы его об этом? К тому же первого встречного – совсем, видимо, отчаялась.

– А почему ты явилась сюда? Встретила случайного п... паренька на улице и решила, что он тебе поможет?

– А куда мне ещё идти? – с отчаянием в глазах ответила Анна. – Говорят, колдунов будут вешать, чтобы не распространяли мракобесие среди мирных людей. У кого просить совета? Я подумала, это судьба... Я не верю в божества, но,

может быть, ответ существует...

– Что ты ей рассказал?! – необычно резко спросила Рыжая.

– Всё, наверное.

– Ты н...наивный, Лемов! Думаешь, знаешь всё?

– Может быть.

– Что может быть? Знаешь всё или н...наивный?

– Что-то из этого.

Такая манера вести беседы была нормальной в этих стенах. Новенькую это малость выводило из равновесия, в котором она и изначально не пребывала в полной мере.

– Иди с...с...сюда. – Рыжая занервничала, подзывая гостью к полке с висящей лампой. Здесь были припрятаны книги.

Самая любимая книга Рыжей была заботливо завёрнута в тряпочку. Не очень толстая, без иллюстраций, что, должно быть, говорило о серьёзности автора. Того звали по-иностранныму – Маньюэ, но Рыжая произнести его фамилию не могла и звала его Марнэ или как-то так. Читать книгу будет долгим делом, стоило объяснить своими словами. Впрочем, книгу она достала наверняка просто по привычке, а может, как подкрепляющий аргумент.

– Р...ры...рассказывай ей, я б...буду листать, если что. – Когда заикание становилось проблемой, Рыжая просила его о помощи. Пару раз даже в разговоре с собственной матерью, и когда он «помогал» ей, на лице мамы появилось худшее

выражение из всех – умилённое. Обычно Рыжая застревала на какой-то букве, и её лицо искажалось, будто речь доставляла ей мучение.

Помимо книги, Рыжая вытащила сложенную картинку на отдельном листе, вырванную откуда-то ещё, и развернула её перед Анной. На картинке было изображено лицо с четырнадцатью глазами. А точнее, просто круглая голова на непропорциональной шее, в каждом из множества её глаз был знак. Такие же знаки окружали голову, находясь у каждого угла четырнадцатиугольника, внутри которого и было изображено лицо неизвестного существа. Каждая пара знаков соединялась линией, проходящей как бы за изображением существа, все вместе они образовывали семь пар.

«Семь – счастливое число», – невольно вспомнилось Лемову.

– Кто это? – спросила Анна, рассмотрев листок.

– Оракул, – ответила Рыжая. – П... переводится как «предсказатель» или «всевидящий». Наверное.

– Бог, в которого верит хозяйка магазина консервов, – добавил Лемов. Теперь Рыжая смотрела на него исподлбья.

– Он не б...

– Ну да, по сути, он не бог, а просто мелкая, но очень могущественная сошка.

Вид у Анны был непонимающий:

– То есть эта очередная религия... эм... легенда утвер-

ждает, что вот это существо создало мир, так?

– Не совсем. Мир, по легенде, создали вот они, – Лемов провёл пальцем по каждому символу на картинке.

– Знаки?

– Стихии. Их четырнадцать, как можно видеть. Много.

– Стихий же только четыре! Странно, но как это относится к колдунам?

– Хранителям. Так правильнее. Хотя дурацкое название, – пояснил Лемов и, вздохнув, продолжил: – В общем, стихии собрались и создали мир, в котором они представлены одинаково. В каждой точке есть каждая стихия. Получилась ерунда. Тогда они создали мир получше, где они уже представлены неравномерно как бы, но всё ещё на равных. Но вот тебе беда: возникает спор о том, кто лучший из стихий. Если ты можешь вообразить, что стихии спорят о чём-то...

– Стихии это: огонь, вода, земля и...эм...воздух. Вот! – перечисляла Анна. – Что за другие стихии и почему они спорят?

– Не знаю я почему. Нравится им.

– Сейчас п...перечислю, – спохватилась Рыжая.

– Давай лучше я. – Лемову хотелось ещё раз вздохнуть, но он не стал. – Да, огонь, вода, земля и воздух у нас на месте. Ещё тьма, свет, природа, магия, металл, молния, пространство, дух, эмоции и-и... шу.

– Это ещё что такое? – медленно проговорила Анна.

– Понимается как п...противоположность эмоциям, – по-

спешила вставить Рыжая, видимо, опасаясь, что Лемов опять что-то ляпнет не всерьёз.

– Я слышала о монахах на юге с таким названием! – удивилась Анна.

– Этот культ переехал туда, наверное, в п...поисках табличек. Они упоминаются в книге п...пару раз. Считается, что древние оставили послания для будущих п...поколений, предупреждая о наступлении таких времен, когда все будут п...превращаться.

– Это очень странно. Но, по-вашему, что случилось со мной? И с теми людьми, которые сидят сейчас в тюрьме?

– Они теперь хранят каждый свою стихию, – пояснил Лемов. – Будут биться, пока кто-то не победит или не найдут новых.

– Да это же безумие какое-то! Это их, получается, отбирают как... древних гладиаторов, на бойню?!

– Н...нет, – торопливо вмешалась Рыжая. – Это дар. П...пользуйся как хочешь. Но кто-то, самый сильный, может п...победить. И станет как бы в...всемогущим. Это не точно, авторы не п...поясняют...

– Такое не может быть правдой!

– Смотри, – Рыжая явно жаждала объяснить ей детали. – Человек – п...покоритель каждой из стихий. Каждый в равной м...мере может управлять м...материальной частью любой сущности. Эти силы подчиняются друг другу и взаимно же п...порождают. Но в какой-то момент, не понятно п...

почему, появляются люди, в которых одна из стихий представлена с... сильнее. И один из таких людей, если научится управлять такой с... силой очень хорошо, будет победителем. Как бы.

– Это просто легенда, не верю я в эти сказки! Должно быть объяснение попроще! Что-то научное, более рациональное!..

– Всё сходится, – настаивала Рыжая. – Мир существует в цикле, где сменяются в... владения стихий и эпохи л... людей. Многие уже знают и объединяются в кланы, г... группы. Как те Шу.

– Откуда ты-то об этом знаешь?! Про стихии и божество особенно?

– Читала, – просто ответила Рыжая. – Много человечество н... напридумывало мифов, но очень п... показательно, что все они так или иначе вписываются в эту теорию. Конечно, я не знаю н... наверняка, но это самое убедительное...

– Серьёзно?! – поразила Анна. – Божество, которого и быть-то не может, наделяет всех даром, чтобы они насмерть бились друг с другом? Это твоё объяснение?

– Не передёргивай, – теперь Рыжая уже злилась. – Нет никакого божества – это только образ. Людям нужна л... личность, на которую можно списывать многие законы мироздания.

– Получается, что ты одновременно берёшь примитивное объяснение из древнего мифа, смешиваешь его со стройной позицией церкви, в которой бытие поддается научному трак-

тованию, и выдаёшь это за какую-то новую теорию!

– Не я, а многие умные люди! – возмутилась Рыжая, тыкая в книгу. – Семь пар стихий с... создают мир таким, какой он есть. Не даром люди издревле восхваляли это число! В каждом предмете, в каждом явлении есть одна из н... названных стихий, или же несколько.

– Но я слышала только о четырёх стихиях!

– Людям свойственно в... всё упрощать, – снова застряла на букве Рыжая. – Они верили, что молнии создаются гневом богов, а теперь в Цинском царстве уже пробуют освещение из искусственных м... молний – электричество. И в Георге такое п... появится, вот увидишь!

– Но это ты мне говоришь о богах...

– Не с... с... слушаешь!.. – возмутилась Рыжая. Она так разнервничалась, что это начало буквально душиТЬ её, она едва могла выдать слово.

Лемов привычно пришёл на помощь:

– Это врождённый дар, у которого нет полного объяснения. Потому его приписывают древнему богу. На деле же, ты просто больше склонна к одной стихии, чем к другим, только и всего, – лениво пояснил он.

– То есть может родиться человек, склонный к огню или к земле? – уточнила Анна.

– Да. И в какой-то момент это проявляется, – пожал плечами Лемов. – Хотя я толком не вникал.

– И что мне делать с этим бессмысленным, проклятым

даром?

– Какая твоя стихия?

– Да я-то откуда знаю?!

– Тебе знакомы эти символы? Видела хоть один? – уточнил Лемов, показывая на лицо Оракула, что на картинке.

– Нет. Бред это... хотя отец говорил, что там был яркий белый квадрат. Будто небесный свет, так он сказал.

– Тогда, возможно, это с...свет и есть, – сказала Рыжая.

– Вы поможете мне? – взмолилась Анна. – Простите, что кричала. Я вам совсем никто, но... Что мне теперь делать? Как разобраться в этом?

– Слушай Рыжую – она в этом разбирается. Она тебе пояснит, как это работает.

– Сам ты рыжий! – Девушка важно взмахнула волосами.

Ночь

Июнь, третий год Патриарха.

Это был замечательный летний день. Солнце тепло грело, но не пекло, дул лёгкий ветерок, унося фабричный дым подальше от города. Производственные районы города – это запад и северо-запад Георга, так что ветер с востока был крайне удачным. Воздух наполнили ароматы лета, добравшиеся даже до центра города, куда стекалась толпа людей. Праздник закончился, украшения убрали, плакаты, возвещавшие о природе и жизни, сняли, заменив на обычные новостные вывески. Однако людей нынче на площади собралось втрое больше, чем на шествии. Даже знаменитый весенний перезвон не собирал такую толпу. Обыватели, проходя мимо, спрашивали: «что случилось?». Ответ был прост – казни.

Страшный пережиток прошлого – публичное убийство преступников, применённое последний раз в Георге ещё во время войны с Цинским царством. Тогда несколько предателей оказались в петлях, а также один из городских магнатов, который, как говорят, продал какие-то секреты врагу. Но то была война, а сейчас мирное время. Или уже нет? Сегодня на казнь вели идеологических врагов церкви, врагов её сути и убеждений – колдунов. Правда, сделали ли они что-то на самом деле, никто не знал, все свидетели говорили лишь о неясном бормотании и странных заклинаниях, но больше

ничего не произошло. Так можно ли считать их виновными? Как быть с теми, кто не успел совершить зло или не смог?

Молва твердила о ещё одной поимке: схватили первую женщину среди колдунов. Якобы она стала зачитывать заклинания прямо у себя дома, а её муж попытался остановить супругу. Но сила отбросила его прямо на кухонный нож, и никто не сумел остановить кровь. Мужчина умер, а колдунья сидит в камере, ожидая своей участи. Сама женщина в слезах уверяла, что ничего не сделала, однако свидетельница, её свекровь, настаивала: в девице есть зло, она повернула его против дорогого сыночка. Похоже, жизнь несчастной была разрушена.

Зачем они делают это? Зачем люди продают души тёмным силам? Церковники говорили, что люди не желают работать руками и головами, мечтая, чтобы мистические силы сделали всё за них. Точнее, церковники вещали замурёнными фразами, понять которые было довольно непросто. Хотя в Георге не запрещались любые убеждения, но распространение, особенно публичное, мракобесных учений всячески ограничивалось. А теперь, по решению совета Георга, явное проявление колдовства наказывалось смертью. Это было неожиданно, так как обычно совет месяцами не мог принять даже самый простой закон, касающийся займов или наследования, но в этот раз сработал удивительно быстро.

Цимба пробиралась поближе к площади, чтобы хотя бы краем глаза увидеть колдунов. Кто-то воображал, что они бу-

дут полувеликанами, закованными в цепи от ног до шеи; другие говорили, что это простые люди, только их тела разриsovаны запретными символами; третьи уверяли, будто колдуны с синей кровью, уже мёртвые, они желают пробиться в мир живых. Но Цимба знала, что это чушь – люди были самые обычные, рабочие из разных районов Георга.

Отец Цимбы был помощником судьи, он успел узнать, что никто из колдунов никогда не высказывался против церкви Георга, не имел запретных символов или предметов, и вообще ничем не выделялся. Отец был возмущен: закон приняли уже после поимки колдунов, и теперь получалось, что магов казнили без суда, без права на защиту, хотя закон, как известно, обратной силы не имеет. Но власти были беспощадны: колдуны должны были умереть, причём как можно быстрее, публично, с пониманием, что подобное не будет прощено ни при каких условиях. Слишком страстно церковь говорила о силе человека, об отказе от суеверий, богов и разных странннх сил, чтобы теперь проявить терпимость.

– Вот они! – крикнули в толпе.

Шум толпы нарастал, напоминая рой каких-то насекомых. Многие не видели, что происходит, потому пытались отодвинуть более рослых соседей – возникали мелкие конфликты. Разумеется, они пришли сюда не только ради самой казни, но в большей степени узнать правду о колдунах.

Перед зданием магистрата поставили деревянную конструкцию, на которой возвышались виселицы. У неё было

специальное название, но Цимба его не помнила. Из дверей вывели пятерых мужчин в тюремных одеждах. Нет, они не были великанами, у них не оказалось знаков или красных глаз. Заключение казались обычными, только грязными и несчастными. Церковник в тёмных одеждах шёл следом за тюремщиками, важно отмеряя каждый шаг. За ним следом, словно верный зверь-помощник из сказки, следовал молодой послушник церкви, держа в руках некий предмет, вроде гонга, но толком не получалось разглядеть.

Выйдя вперёд, церковник начал говорить, но толпа почти не слушала. Большинство людей обсуждали своё мнение о колдунах, не обращая внимания на речь. Голоса сливались вместе, образуя гул, так что стоящим сзади ничего толком не было слышно. Некоторым было интересно, так что они стали спрашивать соседей о чём говорит церковник. Цимба не стала вслушиваться в пересказы: как говорит одна известная сатирическая песенка, толпа легко искажает слова, превращая их в «утку и хмель». До Цимбы донеслись лишь обрывки, вроде «величие», «путь» и «честь», – всё и так становилось понятно.

Преступников поставили на нужные позиции. В глазах одного из них стояли слёзы. Мальчишка-послушник стал медленно бить в гонг. Толпа затихла на мгновение, а затем по команде церковника кто-то, кого не было видно, нажал на рычаг, и тела несчастных ринулись вниз, вызвав волну охов. Четверо затихли сразу, а последний остался висеть, хрипя и

мучаясь.

Цимбе стало плохо. Что-то стучало в её голове: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь. Сознание помутнело. Неправильно это, несправедливо. Она отвернулась от виселиц, но дурнота только усилилась. Цимбу мутило, она упала на колени, длинные чёрные волосы стали подметать дорогу.

В этот момент что-то дёрнуло её вверх. Руки сами поднялись и обратились к небу. Теперь перед её взором только облака. Цимба чувствовала, будто парит над дорогой. Станный голос стал нашептывать ей.

– Люди! Смотрите! – заорал кто-то.

Гул толпы нарастал, превращаясь в самое страшное закливание из всех. Перед Цимбой появился чёрный квадрат, он разделился на несколько частей, и эти части влетели в её глаза. Мир померк, осталась только тьма, непроглядная тьма...

* * *

Кто-то поднял её, кто-то другой что-то кричал. Сознание пыталось вернуться рывками: то она понимала происходящее, то окружение отдалялось вновь. Страшно. Только ей казалось, что она стоит на твёрдой земле, но реальность снова ускользала. А затем возвращалась вновь. Станный сон, ненормальный. Цимба пыталась вырваться из него, выпутаться из непроглядной тьмы, прислушивалась к звукам: там

что-то происходит, нельзя оставаться здесь.

Когда же наконец ей стало лучше, Цимба поняла, что её несут двое мужчин в касках. Они взяли её под руки, заставляя ноги тащиться по камням. Охранники спешили: она услышала тяжёлое дыхание, брнчание металлического предмета, звук сапог и возгласы прохожих, расступающихся перед охранниками порядка. Подняв голову, Цимба увидела смотрящих с недоумением людей, одни из них отходили медленно и с неохотой, другие же отскакивали в сторону сразу же, не задумываясь.

– Нам хоть можно её трогать? – в голосе более молодого охранника звучала неподдельная тревога.

– Давай свернём сюда, нет смысла переть её через полгорода. Третий участок подойдёт, – более зрелый и, вероятно, более опытный охранник не отвечал прямо.

С его подачи они оба повернули направо, там было расстояние между домами, заваленное разного рода хламом. Этот своеобразный коридор был известен среди желающих срезать путь от улицы Старых Князей до главной площади. Тщетно местные городили здесь разные препятствия, ставили ящики, делали самопальный забор из досок. Если даже охрана предпочитала идти здесь, а не в обход, пусть это и не нравилось здешним жителям, что уж взять с простых людей.

– Да держи же её! – прикрикнул старший.

– Тяжелая, зараза, – ответил младший.

На улице Старых Князей был неприметный участок го-

родской охраны. Настолько неприметный, что многие и не знали о его существовании. Если пышный участок номер один так и привлекал внимание, а участок неизвестного номера, что возле Обветшало́го рынка, только его отталкивал, то этот был совершенно незаметный. Здесь не было ничего, кроме таблички, сообщающей, чем помещение является. Станным образом здесь не было даже дежурного: старший из двух охранников дёрнул за дверь, но та не открылась.

– Да что же такое?! – возмутился он.

– Нет никого. Может, не нужно было брать её, а? Колдонёт ещё! – нервничал молодой.

– А если бы её толпа забила? Мало ли какая мысль кому взбредёт!

– Всё равно же казнят, что за лишняя забота?..

– Инструктаж был чёткий! Любого в камеру, руки скрутить, надев мешки, чтобы пальцами не шевельнула! – отрезал тот, что старше, протерев рукавом усы.

Он огляделся с таким видом, будто ждал, что сейчас откуда-то выскочит дежурный с возгласом: «отлучился всего на пять минут!». Но этого не произошло.

– Потасили её до первого, чего стоять тут, причиндалами греметь. А то очнётся деваха! – добавил он, снова подхватывая Цимбу за одну из рук.

Они развернулись по направлению к проулку, через который и пришли. Цимба уже осознавала происходящее, но слабость была такой, что шевелиться было очень тяжело, тело

отказывалось слушаться. В этот момент на пути охранников появилось чёрное пятно. Оно витало в воздухе и разрасталось прямо посреди улицы, словно самая чёрная чернота решила собраться в этом месте. Цимба сперва подумала, что у неё снова темнеет в глазах. Но пятно перелилось в форму человеческого тела, а затем и вовсе стало вполне материальной, уже не тёмной девушкой – блондинкой с недлинными волосами, одетой в какой-то комбинезон болотного цвета. Рядом начало расти ещё одно пятно.

Молодой резко остановился, а усатый охранник, похоже, не заметил появления незнакомки. Так они рванули Цимбу: один потянул вперёд, другой стоял на месте. Это отразилось болью во всём теле.

В этот момент усатый понял в чём дело, он бросил руку Цимбы и полез за ножом на поясе. Из второго пятна тем временем появился коротко стриженный парень, высокий, одетый в похожий комбинезон. Молодой охранник, скорчив паническую рожу, достал с пояса увесистую дубинку.

Блондинка в комбинезоне сделала движение рукой и вспышка чего-то чёрного чиркнула усатого охранника по груди. Если можно назвать нечто чёрное «вспышкой», но это скорее было сосредоточение мрака. Усатый встал почти сразу, зажав рукой рассечённую грудь, из раны лилась кровь, но ребра закрыли основной удар. Встав в стойку с внушительным ножом, постанывая, усатый двинулся на девушку. Выпад, взмах! Но блондинка уклонялась легко. Ещё одно дви-

жение её руки, снова тьма явилась как по приказу, рассекая усатому охраннику горло.

Тем временем второй из неизвестных сражался с молодым охранником. Это было недолго: он отразил пару бестолковых ударов дубинкой с помощью тёмной силы, в этот раз сосредоточение мрака выступало его щитом, а не оружием, как у блондинки. Затем он взмахнул рукой, и правая кисть молодого охранника порядка упала на дорогу, её падение сопровождал жуткий вопль бедолаги.

– Понесёшь её? – спросила блондинка у своего сообщника.

– Я и тебя понесу, если дашь, – ответил парень с наглейшей ухмылкой.

Сил у Цимбы хватало только на то, чтобы поддерживать сидячее положение да приподнять голову, дабы видеть хоть что-то из происходящего. Левое плечо сильно ныло, руки не слушались, длинные чёрные волосы частично заслонили ей обзор. Стриженный схватил Цимбу, перевалил через себя и побежал следом за своей подругой. Они бежали как от погони, хотя её не было. Крики и возгласы прохожих сопровождали беглецов, какая-то женщина завизжала: «не надо, пожалуйста!», хотя ей ничего не сделали. Преступники не встречали никакого сопротивления, не было ни патрулей, обязанных постоянно кругами ходить по улицам, ни специального отряда охраны. Да и способен ли хоть кто-то остановить колдунов?

Вопросы терзали Цимбу, но силы не желали возвращаться, и ей ничего не оставалось, кроме как задавать их себе самой, в мыслях. Скоро её пронесли мимо восточных руин стены, эта часть была самой сохранившейся. Улица Мира, улица Купцов, проспект Героя Генриха. Они несли её мимо знакомых до боли мест, где она проживала последние годы. Здесь недалеко её дом, её квартира на третьем этаже – прямо там, лишь немного углубиться во дворы и улочки поменьше, в тени старой полуразваленной стены.

Парень уже не на шутку запыхался, когда двое преступников добежали до густонаселённых районов поскромнее. В этом месте было не так людно в это время дня, а немногочисленные прохожие реагировали не так бурно. Внезапный хлопок разнесся по округе эхом, но больше ничего не случилось. Оба преступника замерли прямо посреди улицы, оглядываясь во все стороны.

– Они, наверное, на крышах! – крикнула девушка. – Неси её, а я...

Ещё хлопок, вновь эхо, и пуля ворвалась в тело девушки-преступницы, разорвав ей бо?льшую часть бедра правой ноги. Кровь брызнула во все стороны.

– Аккуратнее! Держись у стен, не выходи на середину! – орала блондинка.

Парень ругался почём зря, но бежал дальше, по-прежнему неся на себе беспомощную Цимбу. Он устал и бежал не так быстро, как вначале. Цимба успела заметить, что кровь ра-

неной девушки стала чёрной и начала просто исчезать, растворяться без следа, обращаясь в тьму.

Похититель продолжал бежать ещё немного, затем выбрал путь через дворы и перешёл на ковыляние, пошатываясь из стороны в сторону. Он бросал взгляды на крыши домов, но, похоже, никого там не видел. Теперь в нём чувствовался страх неожиданного выстрела. Пуля летела быстрее его реакции, и он явно не был неуязвим. Наконец стриженный зашёл в какой-то подвал, яростно пнув дверь, та распахнулась и ударила о стену. В подвале было темно, но он двигался дальше, будто и не обращая на это внимания. Зайдя поглубже в сырой мрак, похититель положил Цимбу, прислонил её к стене, а ноги оставил на холодном полу.

– Придётся тебе подождать здесь, красотка, – шепнул он. – Я пойду помогу Катерине.

И незнакомец исчез. Не встал и ушёл, а просто растворился в темноте.

* * *

Шли долгие минуты. Ей уже должно стать лучше, но почему-то этого не происходило. Цимба никогда не жаловалась на здоровье, так что дело должно быть в этой странной магии. Тело понемногу отвечало на команды разума, но слушаться толком пока отказывалось. Было холодно, темно. Похититель выбрал один из многих подвалов, состоящих из за-

путанных коридоров, непроглядно тёмных, без окон, но со множеством дверей в частные подвальные каморки. Без фонаря находится здесь страшно и даже опасно. Где-то во мраке копошились крысы.

За свои восемнадцать лет Цимба успела выслушать немало историй о «колдунах», но то были ненастоящие. Отец регулярно рассказывал о судебных тяжбах в том или ином районе, где незадачливые оккультисты старались доказать, что не заслуживают штрафов. Позиция Георга в этом вопросе годами была одинакова: «верить можно во что угодно, но распространять свои убеждения нельзя». Церковь активно пропагандировала «силу разума человека», то есть способность управлять миром через познание и понимание сути вещей, но многие люди всё равно упрямо доверяли свою судьбу амулетам и заклинаниям. И, конечно, в тех случаях, когда амулеты срабатывали, по мнению его использующего, он стремился рассказать об этом всем и каждому, чем подставлял себя под штраф. Торговцы же оккультными предметами могли попасть в тюрьму, если штрафы на них не действовали.

Заклинания, волшебные колечки от сглаза, молотые кости голубей от бесплодия, – это одно. Цимба стала, похоже, настоящей колдуньей – это совсем другое. Получается, те люди на виселице тоже были случайными жертвами этого явления, они не знали никакой магии, не делали зла и не могли его замыслить. Во всём виноваты истинные колдуны, кото-

рые убили минимум одного охранника порядка и тяжело ранили второго. Это они, видимо, превращают людей в магов, в себе подобных, губят жизни, судьбы, разрушают семьи...

«Сестра! – вдруг подумалось Цимбе. – Нас же перепутают с ней!».

Десятки людей видели, как преступники тащили Цимбу по улицам города, многие могли запомнить внешность новой колдуньи. Если охрана сумеет установить её личность, явится прямо домой к Цимбе, то там обнаружит её сестру-близняшку. Они родились в один день, но Цимба считалась старшей, она всегда оберегала и защищала Ориану.

Мысли заставили Цимбу попробовать подняться. Но тело налилось тяжестью, и всё, что она смогла, это упасть. Замечательно, теперь она не сидит, прислонившись к стене, как её оставил похититель, а лежит на полу.

Что-то зашумело в темноте. Крысы? Или люди? Она попыталась позвать на помощь, но получился лишь кашель. Это тоже может сработать: они услышат и помогут ей. Только что дальше?

Из темноты вдруг вынырнул мужчина. Он опустился на колени и осмотрел лежащую девушку. Странно: Цимба видела его, а он её, но фонаря у мужчины не было.

– Не бойся, – сказал незнакомец. На редкость нежный голос, будто певец какой. – Тебе плохо, но тут безопасно. Они потеряли след.

Мужчина взял её на руки и понёс дальше вглубь подваль-

ного помещения. В какой-то момент он остановился, опустил её и открыл висячий замок на одной из дверей. Цимбу неизвестный положил на какое-то тряпье внутри этой подвальной комнаты, запер дверь и зажёл небольшую лампу. Свет смотрелся чудовищно в этом месте. Яркий, манящий огонёк рисовал огромные тени на стенах. Здесь были стеллажи с банками, мешки, ведра, целая охапка мётел, связанных вместе, и другое барахло. Мужчина сел на табурет рядом с лампой, в её свете он выглядел особенно мистически.

Ему было лет сорок, Цимба сравнила бы его со своим отцом, но, быть может, тот немного старше. Чёрные волосы, тяжёлый взгляд тёмно-голубых глаз, большой нос, и он словно всё время хмурился. Его одежда ничем не выделялась, его легко можно было принять за простого фабричного рабочего, вернувшегося с очередной смены. Только в воздухе витала некая мрачная аура.

– Тебе повезло, девочка, – начал мужчина. – Мы обычно не вмешиваемся столь рискованным образом. Скажем, обстоятельства были на твоей стороне. Ты, наверное, хотела бы о многом спросить? Но не можешь... Я постараюсь тебя успокоить, насколько получится. Тебе нужно отдыхать, поспать. Это очень важно. Через два-три дня ты сама себя не узнаешь. Но пока тебе будет тяжело.

Он следил за огоньком в лампе, а она пыталась сказать ему: пусть пойдёт к сестре, пусть предупредит её, их всех, пусть они не заберут Ориану вместо неё. Слова не получа-

лись, начинало только сильно першить в горле, наружу выходил только кашель.

– Тихо, тихо, – повторял мужчина. При его нежном голосе и в дрожащем пламени она легко могла бы принять мужчину за своего ровесника. Полутьма как-то искажала его образ, но только на время.

– Меня зовут Дэнс. Фамилии у меня нет, так уж вышло. Знаешь, я рос сиротой в одном из этих жутких домов. И всегда боялся темноты. То есть до определённого момента, когда со мной случилось то же, что и с тобой. Сейчас они пишут, что это нашествие магов и колдунов, желающих «ниспровергнуть ценности вольного города, подавить волю народа, загнать нас обратно во времена безнравственности и невежества», – процитировал мужчина. – Но началось это не сейчас... когда я был мальчишкой, то стал, пожалуй, первым в своем роде. Я хочу сказать, в этом городе. Но кто заметил бы тогда никчемного беспризорника, сбежавшего от «заботливой» опеки нашей любимой родины?

Он продолжал смотреть на свет, а не на неё, одновременно водя ладонью вокруг лампы, рисуя тем самым ещё более жуткие тени на стенах. Мужчина словно хотел схватить огонёк лампы, но не решался дотронуться до него. В таком освещении казалось, что его лицо как-то меняется, становясь более мимолетным, неуловимым. Зачем он это делает?

– Я всегда боялся темноты, потому что в ней, как представлялось мне, обитает что-то невероятно страшное. Чудо-

вища, – продолжал вещать этот Дэнс. – Взрослые люди не боятся темноты лишь потому, что уверены, будто их там нет. А они, быть может, есть. Только я как-то подумал, что страшнее: увидеть монстра при свете дня, вместе с его когтями, клыками и огромными глазами, или же встретится с ним в темноте, где ничего не видно? Во тьме возможно всё что угодно, там нет никаких ограничений. Лишь страхи и воображение ограничивают наше представление о том, что живёт в темноте. Это безграничная пустошь, где свет более не управляет нашим восприятием, оно открывается, расширяется, стремится в бесконечность. И можно не увидеть, но почувствовать то, чего при свете быть не может. Монстры живут в темноте.

– Но я хочу сказать ещё и о том, – продолжал Дэнс, – что свет на самом деле не таит в себе добро по определению. Можешь вообразить мир, где света нам нужно будет меньше меньшего? Там растения будут расти без нужды в свете, не будет разницы между днём и ночью. Люди перестали бы цепляться за внешнее, называть мазню красотой, смеяться над уродством, строить больше и выше, дабы выглядеть богатыми и знатными. Ушла бы всеобщая страсть в совершенстве формы, но появилась бы страсть в содержании. Запахи и звуки, другие ощущения, – всё это обострилось, стало бы значить куда больше. Мы бы попали в поэтический мир, где нет дела до твоего узора на кафтане. Зато куда важнее стали бы другие вещи. Мы бы узнали новые недостатки в нашем

восприятия и переродились. Ты, наверное, скажешь, что при таких рассуждениях мне стоило выколоть себе глаза? – Он повернулся к Цимбе и слегка улыбнулся. Этот человек сам задавал вопросы и отвечал на них. – Но мы ведь пока ещё не в таком мире, верно? Однажды можем попасть и в такой. Мир очень сильно изменился бы, только погаси мы ему свет совсем ненадолго! Свет куда больше слепит людей, чем помогает им видеть.

– Кто... кхе... кхе... – Цимба хотела спросить мужчину: кто он и кто те двое, что вытащили её из рук охранников.

– Ты ещё успеешь всё спросить и рассказать, – молвил Дэнс. – Мы с тобой, девочка, хранители тьмы. Звучит пугающе, наверное? Или глупо? – он нахмурился ещё сильнее. – Но как ни решай, правда она и есть правда. Я храню тьму уже два с лишним десятка лет. Не так уж далеко я продвинулся... Когда-то я думал, что к этим годам буду уметь куда больше. Я собирал знания, мифы, легенды, чтобы разобраться. Трудно порой рассудить, где знания древних, а где миф наподобие сказки. Долгие годы учения, но мои ученики освоили это всего за четыре месяца. Сложно учиться самому.

Он помолчал немного, затем продолжил:

– Обычно мы не связываемся с другими людьми. Это опасно. Обращённых вешают, оставляя в неведении о том, что стихия избрала их. Люди бояться, потому доверять им глупо. Но Вирк заметил, что ты от нашей стихии, потому кинулся спасти тебя.

В этот момент он погасил лампу. Страшные тени исчезли, и воцарился мрак, чёрный и непроглядный. Хотя Цимба чувствовала все предметы вокруг, их форму, положение. Она будто видела их, но это нельзя было назвать зрением.

– Поспи, девочка. Твоё тело должно привыкнуть, измениться. Поспи и попробуй представить себе в темноте то, что ты хотела бы увидеть. Это для начала.

И Цимба попробовала. Слабость одолевала её, звала в сон. Представить, что хочешь? Она вообразила, как просыпается в своей квартире, в доме рядом со стеной, и это было только кошмаром.

Искра

Июнь, третий год Патриарха.

После событий последних дней Анна Аян твёрдо решила действовать. По правде, вариантов действий она представляла немного. Самый простой, доступный и желанный – бежать. С другой стороны, побег представлялся очень детским поступком. Да и мест, в которые можно сбежать, она не знала. Первый побег она уже совершила, это был побег из городского дома. Обмануть Петра, простодушного юношу, было несложно. Анна знала, что отец очень его ценил, доверял ему самые ответственные вещи, если только не брался за них лично, но всё же Пётр был немного... недотёпой. Странно считать человека и полезным, и малость бесполезным одновременно.

По завершению того дождливого вечера Осина предложила переночевать в кладовке над магазином её отца. Уже на следующий день появились новости о предстоящих казнях. Совет постановил лишать жизни всех, кто осмелился применять магию на территории города. Не имело значения наличие ущерба от таких действий, так как магия, поясняли в совете, порочна по своей сути. Не остановило совет и то, что закон приняли уже после поимки магов, а значит, их казнили незаконно. Однако совет Георга риторически спрашивал в тексте листовок на плакатных досках: как охранять таких

заклоченных длительный срок, можно ли на годы запереть их, ожидая мести в любой момент? И люди покорно кивали, не спрашивая более о вине магов, ведь они падшие и злодеи – смерть их единственная участь.

Это несправедливо. Анну ждала такая же судьба, будто и она виновна в чём-то. Возможно, безопаснее просто сидеть и не высовываться, ведь до сих пор магов обнаруживали только во время их превращения. Причина этого явления была загадкой, ещё больше сбивало с толку, что маги «открывали стихию», как выражалась Осина, примерно в одно время и при весьма заурядных обстоятельствах. Не было ни ожидаемых пентаграмм на земле, ни крови животных, ни таинственных слов. Получалось, что превращение не было связано с действиями самих колдунов, скорее с их состоянием. С другой стороны, слова были, но появлялись сами собой. Отец Анны упоминал «демонические руки», небесный свет и странное нашёптывание. Этому не нашлось здравого объяснения даже у Осины, хотя девушка не удивилась – оказывается, о странном языке и шёпоте писали в книгах, где Осина обнаружила множество знаний о наступающем явлении хранительства стихий.

– И куда же мне бежать? – спрашивала Анна. Она пока не могла смириться и привыкнуть к своему положению. Город отныне считал её преступницей, еретичкой, отступницей. Точнее, её станут считать таковой, если выяснят про тот случай в саду. При этом она не сделала ничего плохого, ни-

кому никогда не причиняла зла.

– Я тут п...подумала, – отвечала Осина, – есть одно м... место... может быть...

– Такое, в котором безопасно? – заинтересовалась Анна.

– Не знаю, где теперь б...безопасно для тебя. Но мы могли бы б...бежать не просто в никуда, а п...попробовать получить знания.

– Мы? – удивилась Анна.

– На город н...надвигается опасность. Сидеть на месте мало смысла, лучше п...попробовать изучить это явление. Детально п...понять п...природу изменений в мире, – старалась объяснить Осина.

– Мне казалось, что ты и так знаешь об этом всё.

– Я собираю книги о стихиях с д...десяти лет, – сообщила Осина, – но не так уж и много знаю. Есть указания на д... древний храм, н...находящийся где-то в лесах к юго-юго-западу от Георга.

– Храм?

– Храмы старой в...веры в единого Бога строились тысячи лет назад и м...многие могли сохраниться до н...наших дней. Абу-Аль-Инзарек пишет, что некоторые из них н...неразрушимы и специально оставлены для эпохи, когда начнут п...появляться хранители.

– И ты думаешь, что мы с тобой могли бы найти один из древнейших храмов?

– Лучше искать храм, который м...может объяснить боль-

ше о твоём избрании, или бежать п...просто так, куда глаза глядят?

– Ты права, лучше мы отправимся на поиски ответов, – решила Анна, впрочем, без особой уверенности.

Осина стала Анне настоящей подружкой всего за несколько дней и становилась всё более близкой, хотя они и спорили из-за всей этой магии, ведь Анна не могла так легко принять её за данность. Пусть внешне Осина некрасива, но внутри она была очень милой, любознательной и даже сильной. В ней ощущалась та сила воли, которая свойственна людям, пережившим немало унижений. Заикание Осины внешне сильно отличалось от обычных тиков: её лицо перекашивало почти на каждом согласном звуке, а голос сильно менялся, если девушка нервничала. На протяжении жизни Осина была одинока, не удивительно, что она искала утешения в мифах о колдовстве.

Что сильно раздражало, а точнее кто, так это Лемов – очень расхлябанный, эгоистичный и ленивый человек. В отличие от большинства юношей этого возраста, Лемов не имел постоянной работы, не учился, большей частью слонялся без дела. Лемов часто отвечал односложными предложениями, постоянно «не вникал» и виделся тупым, как пробка, словно в его голове роились сотни глупых мыслей, но он выбирал ровно одну, самую примитивную, и высказывал именно её. Иногда это была какая-то дрянная «философская» мысль, которую он кидал в пустоту. Лемова совер-

шенно не смущала «обидная правда», его высказывания часто ударили по самолюбию собеседника неожиданным образом, словно он издевался над ним. Взять хотя бы прозвище Осины, которую он звал «Рыжей» – это заметно обижало девушку, но Лемову было безразлично.

Перед тем, как постучать в дверь каморки в тот дождливый вечер, Анна стояла там несколько минут, терзаясь сомнениями. Она слышала слова Лемова. Ей уже неоднократно признавались в любви, но Анна всегда ждала настоящего чувства, половина же «влюбленных» просто хотели войти в семью управляющего Брицем, что уже куда лучше их положения. Остальная же часть юношей была просто очарована, но не более. Лемов попадал в эту вторую категорию, но он был едва ли не худшим вариантом из возможных: хилый и слабый, безалаберный, бедный и бесперспективный. В нём не было ни единой из добродетелей, приписываемых обычно мужчинам. Быть «мечтой» такого человека Анне крайне неприятно.

С подачи Осины Анна прочитала книгу некоего Маньюэ, посвятившего половину жизни поиску ответов. Из предисловия автора можно было узнать, что с его сыном случилось нечто похожее на избрание в хранители, хотя сам он процесса превращения не видел и давал смутные описания. И всё же он потратил кучу времени и целое состояние, чтобы разобраться в проблеме. Его книга была единственным прямо доступным источником, так как издавалась в жанре приключе-

ний – долгое время на неё не обращали большого внимания. Другие источники были куда скромнее, туманнее и давали сведения скорее ритуального или мифического характера.

Люди всегда начинают с простых вопросов, словно дети, спрашивающие «почему» или «зачем», но как раз эти ответы дать обычно сложнее всего. Как правило взрослые стараются уйти от вопросов, требующих слишком долгих объяснений или даже ответов на дополнительные вопросы. Так было и здесь. Авторы различных книг указывали, что стихии соревнуются, они требуют, чтобы был выбран «победитель». Зачем, почему и как победить никто уточнить не мог, но все сходились во мнении, что уничтожать других хранителей не требуется. Более того, количество победителей, похоже, тоже было нечётким, зависящим от некоего дополнительного условия.

– Что означает «победить» в понимании этой теории стихий? – спрашивала Анна. – Турниры и соревнования предполагают правила.

– Понять правила и в...выполнить условия, – отвечала Осина.

– Получается, ты веришь в некий турнир стихий, но правила никому неизвестны. Бред же.

– Известно, что были п...победители в прошлом. Это не как получить обычный приз – это слиться с самой стихией, стать владельцем её п...первородной формы. И делать всё, что п...пожелаешь.

– Абсурд. Я никогда не слышала ни о каких победителях.

– Потому что п...прошли целые эпохи, – просто объясняла Осина.

Разгадывание подобных мутных теорий раздражало Анну. С чего вдруг она вынуждена выуживать правила, выдуманные непонятно кем, непонятно с какой целью? У любого явления есть причина и результат, но зачем природе «придумывать» такую нелепицу? Идея про Бога-организатора казалась и вовсе смешной.

– Нам следует т...торопиться, – сказала Осина как-то вечером. – Ходят слухи, что все выезды из г...города будут проверять.

– Но мы ведь уже взрослые. У тебя же есть бумаги? – поинтересовалась Анна.

– Дело не в...во мне, а в т...тебе, – лицо Осины вновь скорчилось, когда она пыталась говорить быстрее. – У них, г...говорят, есть способ выявлять магов.

– То есть нам нужно убежать до того, как они выставят посты?

– Именно. И не забудь: они наверняка п...проверяют всех при п...пересечении границы Георга, на краю предместий. Разрешений на в...выезд из страны у нас нет, тебя м...могут раскрыть, так что придётся идти лесами.

– По лесу идти?! Мы заблудимся! Или нас сожрут звери! Или... просто помрём там от холода!

– Летом? – подняла брови Осина. – Мы м...можем немно-

го замёрзнуть, если похолодает, но это не смертельно. Все-го-то нужно п...пройти через границу подальше от дорог.

Обсудив план ещё, они решили идти пешком через лес около Тельца, чтобы пройти границу Георга не по дорогам. От транспорта решили отказаться совсем: на поездку не было денег, да и риск был слишком велик. У них могут спросить документы, и пусть они обе уже совершеннолетние, это не спасёт от тщательных проверок. Поймав колдунью, охранники сразу отправят её на виселицу. Тайком пройдя границу, девушки могли выйти к реке, вдоль которой потом добраться до заветного места. Осина вычислила положение таинственного храма, в котором, как она мечтала последние пару лет, должны быть какие-то ответы.

В виде плана всё казалось лёгким, но на практике была куча проблем. Нужна провизия, однако денег было очень мало. Осина хотела взять ящик консервов или другой еды, а проще говоря просто украсть из бакалеи часть товара. Это рискованно, но ещё сложнее будет тащить такой груз двум хрупким девушкам. Понятно, что родители Осины не разрешат дочери отлучиться на прогулку в какое-то таинственное место по непонятной причине, да ещё прихватив с собой их товары. Так недолго попасться, и тогда родители Осины могут сообщить охране о незнакомке, подбивающей их дочурку к побегу.

Другие проблемы были ещё сложнее. Идти пешком дело долгое. Где они будут мыться, на чём спать, куда ходить по

нужде? В глубине мыслей Анна брезговала. Анна часто гуляла в лесу, даже неоднократно засыпала под деревом тёплым летним вечером, но никогда не смела идти в его глубину. Мысль, что ей придётся много дней блуждать по чащобе, отложив купание до самой реки, была слишком пугающей. В лучшем случае Анна просто рухнет где-то по дороге, изнемогая от усталости, источая вонь.

* * *

В один из дней поползли слухи о казни хранителей на площади. Вечером того же дня в каморку заявился Лемов. Он частенько заходил сюда, садился на один из ящичков и отпускал плоские шуточки по поводу и без. Самое плохое, что Осина теперь звала в поход и его.

Лемов хоть и молодой парень, но какой-то хлюпик. На вид он не сильнее девчонки, так что первым, скорее всего, начнёт ныть о тяготах путешествия. И первым свалится от усталости. К тому же Анне как-то неприятно идти в столь необычных обстоятельствах в компании незнакомого мужчины. Пусть это и всего лишь Лемов. Она знала, что у Лемова на её счёт странные, возможно, грязные мыслишки.

Однако над Лемовым навис громовой меч судьбы. Объявляли о начале призыва, так что все молодые мужчины должны собираться на войну. Говорили, что впереди борьба с магами, которые жаждут разорить Георг, потому и подбивают

горожан учить чёрную магию. Сначала новобранцев отправят в силы самообороны города, но потом могут при необходимости бросить в настоящую битву. Так как хилому Лемову этим путём проложена только дорога в могилу, то он планировал тоже дать дёру вместе с Осиной и Анной.

Этим вечером Лемов рассказал о казни, а затем и о панике, поднявшейся сразу после. Он не видел, что случилось, но люди в страхе кричали о появлении ещё одного мага где-то на другой стороне площади. Новостные плакаты пока молчали, а значит, никого поймать не удалось.

– Ещё один невинный превратился в ма... хранителя, – заключила Анна, выслушав неторопливый рассказ Лемова.

– Ты так говоришь, будто д...должны п...превращаться только виновные, – укоризненно сказала Осина. – Это дар, а не проклятие.

– Дар?! Людей убили за этот дар, они даже сделать ничего не успели! В чём этот дар выражается?!

– Тебе, как и им, дана в...возможность управлять стихией, – ответила Осина.

– Управлять? То есть... я правда могу управлять светом?

– Если мы п...правильно определили стихию, то да, – кивнула Осина.

– Как ты себе это представляешь? – Анна встала с ящика, чтобы подойти к единственному пятну света в камерке. Его создавало грязное окно над дверью, если бы не оно, то здесь стало совсем темно. Лампу Осина зажигала редко, потому

как топлива для неё не хватало.

– Я должна как-то приказать свету не светить? Или что? Как такое может быть?

– Я никогда не в...видела магии, – скрестила руки Осина, её глаза, включая и косивший в сторону, выражали недовольство, – так что не могу знать.

– Но меня ты убеждаешь, что хранители могут повлиять чем-то!

– След м...магии идёт с древних в...времен, пронизывая всю к...культуру людей, – нервничала Осина. – Мудрецы п...предсказывали появление избранников стихий м...многие столетия назад. И вот это происходит! Это не в...выдумка, это известный издревле факт! Видимо, уже не п...первый раз...

– Ты читала Айзенка? – пошла в атаку Анна. – Любое явление должно стыковаться с другими явлениями в природе. Всё связано. Нельзя просто взять и приказать свету... не знаю... светить в другую сторону. Невозможно заставить камень подпрыгнуть сам собой!

– Я ч...ч...читала это церковного б...бездаря! – Осина боролась с лицевыми спазмами. – Если он не знает, как это м...может быть, то... Ты лучше бы п...попробовала управлять светом! Или тебе н...непрененно нужна формула того, как это работает? Хранитель – это оплот мудрости, а не...

– Знать, как всё устроено – это и есть мудрость, – перебила Анна. – А так получается, что хранители нарушают за-

коны природы. Если эти силы реальны, то они противоестественны!

– Ты не можешь этого знать! – выкрикнула Осина. – Что естественно, а что нет – только твоё мнение! Если в привычных тебе книжках не написано такого, то это не значит... ничего!

Удивительно, но на эмоциях Осина перестала заикаться. Её голос как-то странно поменялся в этот момент, будто и не принадлежал ей.

– Если мы найдём этот дурацкий храм, про который ты прочитала, мы узнаем больше? – спросила Анна.

– Наверняка, – кивнула Осина. – Эти храмы с... строились для хранителей, для б...будущих избранных. О них пишут самые д...древние тексты. Учёные Георга н...находили рисунки, сделанные две тысячи лет назад, в которых упоминаются все ч...четырнадцать стихий. Это есть в альманахе н... наук за последние два года, я тебе п...покажу, если хочешь.

– В «Искусстве столяра» тоже такое есть, – подал голос Лемов. – Мне дядя давал почитать.

– Что там есть? Про стихии? – удивилась Анна.

– Да, там написано, что дерево, подобно любой стихии, требует аккуратного подхода и страсти, – подтвердил Лемов. – Путь мастера – обуздание этой стихии... и так далее, и так далее...

– Тебе говорили, что ты болван?

– Я ему п...постоянно говорю, что он д...дурак, – сказала

Осина. – Деревья – часть стихии природы, Лемов, а не отдельная стихия.

– Дяде моему это скажи, – безразлично ответил Лемов.

* * *

Наступила последняя неделя июня. Приготовления были завершены. Анна ещё жила в каморке у Осины, стараясь не выдать себя ни охране порядка, ни родителям подруги. В мыслях Анна признавалась себе, что поступает неразумно. Бегут от проблем только дети или неразумные подростки. Взрослые, как учила её мать, должны решать вопросы по существу. Однако что же здесь можно решить? Городские власти однозначно приказали изжить магию, а о виновности или невинности магов по существу никто думать не собирался. Так что лучше всего будет уйти, поискать ответы и, быть может, вернуться позднее.

Осина очень обрадовалась, что её мечта наконец сбудется. Одна она никогда бы не решилась на такой поход. Месяцами девушка тратила своё свободное время на поиски ответов. Это стало манящей идеей, от которой не убежать, теперь же ответ мог быть найден. Древние культы, построившие где-то в диких землях храм, что-то знали. Возможно, там есть объяснение происходящего.

Оставалось последнее дело. Томным вечером накануне отправки Анна покинула каморку и пошла по улице Воро-

бъёв. Это дело она откладывала до самого конца. Странная улочка то поднималась, то опускалась, по крайней мере, если идти в эту сторону. Шагать пришлось довольно приличное расстояние. Вдоль улицы стояли сплошь лавки, их по-современному называли магазинами, но чуть дальше был также и солидного вида трехэтажный особняк. Он неуклюже смотрелся здесь, хотя в отрыве от улицы, сам по себе, выглядел прилично: широкие двойные двери, изящные большие окна, как арки; городской дом Аян и в подмётки не годился этому коттеджу. Откуда он взялся здесь, этот пышный, одинокий дом?

Осина как-то рассказала, что во времена, когда эта улица была окраиной города, здесь ежедневно собирался самопальный рынок. Всю улицу заставляли торговцы со своими лотками, они же и жили в этих домах, строили их, а некоторые из домов были раньше складами. В те времена здесь торговали крупами, сахаром, выпечкой и некоторыми другими товарами. Помимо торговцев, горожан и селян, сюда слетались сотни маленьких птичек, желающих украсть по паре крошек или зёрнышек. Так улица и получила своё название, ставшее позже официальным.

Почта размещалась на первом этаже двухэтажной постройки, прямо на перекрестке между улицей Воробьёв и Медным проулком. Внутри было многолюдно, у единственного окошка в решётчатой деревянной стойке стоял опрятный молодой мужчина с усталым видом. Поглядывая на оче-

редь взглядом потенциального убийцы, он не забывал вежливо здороваться с каждым подошедшим и даже поинтересовался здоровьем нескольких пожилых дам. Раньше Анна не бывала в почтовых отделениях – на почту посылали Петра, а до него дружного помощника отца. И вдруг:

– Госпожа... – послышалось сзади. Это был Пётр, он спешно приблизился к Анне, дышал тяжело, будто запыхался, и вовсю тарасил глаза. – Я заметил вас из окна!

Проклятье! Надо было помнить примету, известную ещё её бабушке: не поминай того, с кем не хочется встретиться. Анна не верила в приметы, хотя простое население Брица доверяло им больше, чем церкви Георга. Но теперь, видимо, пора начинать верить, раз она стала колдуньей, пусть и против своей воли.

– Ты... откуда?.. – опешила Анна.

– Юноша с вами? – деловито спросил мужчина в шляпе с полями, занявший очередь сразу за Анной минуту назад.

– Нет, он... вы не посторожите место? – взмолилась Анна. Он кивнул, и Анна схватила Петра за руку, выбегая из здания.

– Откуда ты? – спросила она уже снаружи.

– Из дома господина Кирра. Мне сказали отнести зонт... в смысле взять его... но вообще я его уже взял и пошёл... и тут: я смотрю в окно, а там вы... и я подумал, что всё это не просто так, у меня есть шанс вас догнать и сказать... – он торопился и запинаясь, нёс какую-то околесицу.

Анна так ничего и не поняла.

– Скажи только, папа ищет меня? Он что-нибудь предпринял?

– Он велел мне найти вас и дал мне денег, сказал мне вас искать и сделать, что нужно, и никому не говорить, – Пётр сглатывал слюну прямо посреди предложения. – Я искал и потратил все деньги, но...

– Зачем ты мне про деньги сейчас говоришь?

– ...Так и не нашёл вас, – закончил Пётр.

– Он дал тебе денег за молчание или на поиски?

– Я... я... искал... это на дело, госпожа, я бы не сказал...

«Уж больно честные у этого парня глаза», – подумала Анна. Было даже неважно, что он тарашит их и они бегают туда-сюда.

– Ладно, я поняла. И как же ты меня искал?

– Спрашивал людей... эм... на рынке поискал... точнее, на всех рынках. И у церквей, да. Думал, вдруг вам совсем плохо и вы пойдёте просить еды или одежды.

До этого момента ей ещё не приходилось чувствовать себя оскорблённой. Она – Анна Аян, пусть её отец только надзирает за Брицем, но её прадед был знаменитым полководцем. Пусть она и в тяжёлой ситуации, но пойти попрошайничать на рынке?! Для этого, подумала Анна, нужно голодать не меньше двух недель. Но даже тогда – Анна была уверена в этом – она бы лучше умерла, чем дошла до такого.

– И это всё, что ты сделал? Больше нигде не искал? – за-

давая этот вопрос, Анна старалась держать голос ровным.

– Ага, – задумался Пётр. – Я хотел было написать объявления с вашими приметами, но господин запретил. Он сказал: никто не должен узнать. Мол, найди её сам и уговори прийти домой.

– И ты нашёл... – вздохнула Анна.

Каким-то чудом, нелепым совпадением, несчастным случаем, хотелось добавить. Он, наверное, был в одной из лавок, когда она шла по улице. Ещё обиднее оттого, что прав оказался Лемов, советовавший ей не высовывается из дома. Ношение капюшонов и накидок нынче было запрещено, но резать волосы или перекрашивать их, как советовала Осина, Анна никогда бы не решилась.

– Но вам нельзя домой, госпожа! – заговорщическим голосом сказал Пётр.

– Хватит звать меня... Что ты сказал?

– Нельзя! Я слышал кое-что: они обсуждали с тем толстяком, как будут уничтожать колдунов и находить их повсюду!

– Кто сказал? Где ты слы... Подожди, ты... знаешь?

– Я видел вас в тот день, в саду, – прошептал Пётр.

– И что ты подумал тогда? Отец решил, что никто не знает.

– Вы... ваш отец посылал меня в Садор. Я как раз пришёл тогда рассказать ему всё. Там... там тоже было такое. Белокурая девушка, она упала на колени, и... лодочник позвал парней, и они отнесли её к целительнице. Та сказала... ну...

мол, пусть уходит из города. Пусть бежит, пока не поздно.

– Почему? Садор далеко. Там нет церковников.

– Люди огня могут снова прийти, так она сказала. Они пожгут всё, если не отдать им других колдунов. Говорит, они погубят всех, кто не рождён от огня, вот как, госпожа!

– И что было с ней?

– Как стало ей получшее, прогнали они её. В питейной мне сказали: люди огня всё равно поймают и кровь из неё выпьют. Чтобы силы получать! Вот от этого они и такие большие, и глаза у них красные оттого!

Неужели правда? Поверить в существование какого-то бога, описываемого Осиной, в стихии и испытания ей было трудно. Но вот легенды о чёрной магии, питье крови, дающем небывалые силы, – такое слышали многие. Церковные писатели не любили эту тему, но всё же иногда выпускались книги об этом. Наличие демонов и сделок с ними почти никто не отрицал, они лишь писали, что знания о демонах противны современной науке. Демоны – воплощение стремления человека к невежеству и порокам. Настоящее зло магии притаилось где-то там.

– Я завтра ухожу из города, – объявила ему Анна. – Подальше от войны и казней. Если с севера наступают маги, как пишут на плакатах, то мне лучше быть где-то подальше. Передай отцу письмо. Там я и маме письмо вложила. Хорошо?

– Да, – кивнул Пётр. – Берегитесь, они говорили о новом оружии.

– О ком ты постоянно твердишь? Кто это говорил?

– Ваш отец – господин Аян – и господин Киrr. Он говорит, то есть Киrr, господин Киrr, то есть... что ваш отец будет командовать южным тылом. Они боятся вторжения...

– Папу поставят в командиры?! А при чём тут папа? Он следит за Брицем, он не военный!

– Хороший организатор, – ответил Пётр. – Они хотят разместить резерв на юге из-за слухов о южных беспорядках. Ваш отец, наш господин, он будет присматривать за ними. А опытные военные нужны тут.

– Ясно, – кивнула Анна, хотя поняла лишь половину из его путанных объяснений.

– Убегайте, госпожа. Дурные времена наступают... Господин и сам бы отправил вас теперь подальше. Ему бы только знать, что вы живы да здоровы.

– Знаю. Отдай ему письмо, пожалуйста. И попрощайся за меня на всякий случай, – она сунула ему конверт и поцеловала в щеку. А потом Анна убежала прочь.

Стекло

Июнь, третий год Патриарха.

Впервые Аян видел этот дом: шикарный трёхэтажный коттедж, расположившийся на неприглядной улице Воробьёв. Ещё пару лет назад здесь не было никакого дома, а на его месте стоял покосившийся магазин. Сам Аян тоже приобрёл небольшой дом недалеко отсюда, но то был вопрос экономии. Отчего же господин Киrr, член большого совета, не смог позволить себе особняк в более престижном районе?

Когда-то семья Аян была влиятельна, дед Аяна был полководцем, победителем великой битвы, он получил право на налоговые сборы с целого южного региона. Те времена давно прошли, нынче Аянов почти забыли, остались только пара домов, скромный городок Бриц рядом с границей да кучка знакомых в разных ведомствах города. Одним из таких знакомых, вроде как союзников и друзей, был и господин Киrr. Хотя настоящими друзьями они, конечно, не были.

Двойные двери открылись наконец перед ним и Петром, его постоянным спутником и помощником. Аян поручил ему искать Анну, вернуть её домой как можно скорее, пока она не попала в беду. Однако идти в гости к члену совета Георга совсем одному было как-то несолидно. Конечно, Аян мог взять супругу, но Исса была безутешна: она без конца спрашивала «почему», и пусть Аян знал ответ, однако тот не

отвечал на сам вопрос. Скажи Аян Иссе о причине побега дочери, она просто стала бы спрашивать его о причинах её проклятия, а на это ответить нечего.

Пока Пётр искал Анну, но безуспешно. Можно было бы привлечь методы посерьёзнее, начиная с охраны порядка, заканчивая отдельными наёмными следователями. Однако Аян опасался привлечь лишнее внимание. Петру он сказал про опасность скандала, но на деле стоило уже бояться виселицы.

В доме Киры было уютно. Это при том, что стиль оформления, как внешний, так и внутренний, а также огромная лестница прямо напротив входа были не по вкусу Аяну. Слуга открыл им дверь, но встречать их тут же вышел и сам хозяин дома. Киры был довольно полным мужчиной с пробирающейся сединой среди чёрных волос. Он напялил красно-золотой халат с преимущественно красным цветом, завязанный поясом посередине. Тапки били по изящной плитке пола и по пяткам, издавая неприятные звуки.

– А, Теллек Аян, дорогой друг! – Киры воодушевленно пожал руку Аяну. – Ты приоделся, я смотрю! Хех. Не будем превращать твой визит в какое-нибудь заседание совета, меня всегда воротило от этого! Я, как видишь, по-простому, по-домашнему. Проходи давай.

Он провёл Аяна в комнату на первом этаже, оставив Петра в прихожей со своим слугой. Шторы в комнате были задернуты, среди шкафов и сервантов стоял небольшой круг-

лый стол, окружённый тремя удобными креслами. Бросилась в глаза знаменитая коллекция чайных ложек в витрине. В комнате на одном из кресел сидел серьёзный мужчина, как и Аян он был солидно разодет в мрачных тонах, он явно явился не на «домашний» разговор.

– Знакомы с Тисаевым? – уточнил Кири, усаживаясь в кресло.

– Господин Тисаев, господин Кири, рад встрече, – это было первое, что Аян произнёс в этом доме, слегка поклонившись при этом.

Максим Тисаев был главой охраны порядка города, что давало ему право заседать вместе с другими советниками. Многие знали его, как сурового, но справедливого человека, принципиального, не любящего компромиссы. Он воевал с преступностью, а не просто боролся с ней, растряс крупные шайки бандитов и контрабандистов, почти истребил их. Однако в тех областях, где нужна гибкость и способность договариваться, Тисаев существенно проигрывал своим предшественникам. Его уважали за силу и характер, но многие отмечали чрезмерное упрямство в вопросах, обычно улаживаемых сделками, избегая конфликта.

– Здравствуйте, Аян, – сказал басисто Тисаев и кивнул. – Вы без зонта?

– Простите? – Аян сел на свободное кресло за круглым столом.

– Пока мы вас ждали, обсуждали июньскую погоду. Парит,

знаете ли. Скоро опять польёт. Неразумно нынче ходить без зонта.

– Ах да. Голова забита другими вещами.

– Вот почему нужен тот, – поднял палец вверх Киrr, – кто думает за вас.

Киrr одновременно сделал несколько действий: достал откуда-то пару рюмок и непрозрачную бутылку без каких-либо обозначений, позвонил другой рукой в колокольчик и поудобнее устроился в кресле. Когда на звон вошёл слуга, Киrr велел «выдать парню запасной зонт», подразумевая Петра, затем налил себе полную рюмку зеленоватой жидкости, буд-то машинально плеснул Тисаеву в другую рюмку, но тут же опомнился.

– Шиш с ними, с зонтами, давайте по делу, – потёр руки Киrr и без стеснения разом опорожнил своё порцию неизвестного поила.

Тисаев и не шевельнулся в сторону второй рюмки, а у Аяна вовсе не было оной. Киrr не удосужился поставить даже воду для питья, на столе была лишь ваза с яблоками.

– Слышали новости про казнь? – спросил Киrr.

– Конечно, как же такое не услышать... – вздохнул Аян, отвечая ему.

– А про заварушку? А-а! – Укоризненно и с улыбкой погрозил ему пальцем Киrr, а затем налил себе ещё. – Обожаю людей, не знающих самые вкусные подробности! Там нашлась новая колдунья, за ней гнались, вроде бы. Один

охранник погиб, другому отсекли руку.

– Запястье, – поправил Тисаев. – Не гнались, а явились другие колдуны, если верить свидетелям, хотя большинство отказалось что-либо сообщать. Увы, раненный охранник пока не пришёл в себя. Потерял много крови.

– В городе есть активные маги? – нервно спросил Аян.

– Да, последние несколько месяцев появляются доклады о странных грабежах почти во всех концах города. Они немногочисленны, берут еду, одежду и деньги. Имеются подробные портреты, женщины и мужчины, составленные со слов многих людей, но толку от этого немного.

Аян испугался, но одновременно понадеялся, что Анна, быть может, присоединилась к этим колдунам. Не слишком хороший вариант, но всё же лучше, чем быть одной где-то на улице.

– Вы что-то намерены предпринять?

– Мы продумываем варианты, – неоднозначно ответил Тисаев. – Теперь у нас есть кристаллы от наших... хм... новых друзей, это позволит организовать противодействие. Скажу честно, я не уверен, что конфронтация с магами является обоснованной. Я всегда за то, чтобы на насилие отвечать насилием – мерзавцы иного не понимают. Здесь же обратная ситуация, есть впечатление, что совет взялся за чрезмерное насилие раньше, чем маги сделали хоть что-то, потому мы увязаем в этом совершенно бессмысленно. До сих пор не было никаких проблем, но стоило начать арестовывать и

казнить магов, как они появились сразу же.

– Какие кристаллы, простите?

– А, ну, вы же не в курсе, Аян. Казни магов были условием мира с Цинским царством. Патриарх радовался до потери сознания, что договорился с ними. Старые обиды забыты, давайте жить дружно и торговать. Только с учётом всех торговых и политических уступок, этот мир обошёлся нам не так уж и дёшево. Об этом не принято говорить открыто, да и привыкли уже все, однако это проблема. И в довесок они навязали нам покупку кристаллов по серьёзной цене, которые позволяют обнаруживать магов. Цины борются с магией на своей территории уже несколько десятилетий, причём довольно радикальными средствами, кристаллы были изобретены в помощь этому. Малоэффективно, но лучше, чем ничего. Нас уверяют, что их можно использовать и в бою, для обезвреживания противника, но как именно пока непонятно. Единственное, что я точно знаю – изготовление этих предметов крайне дорогое, а продают их с наценкой.

– Кристаллы убивают магов?

– По-видимому.

– Шиш с теми стекляшками, что там говорит совет за закрытыми дверями, – вмешался Кири, шмыгнув покрасневшим носом, – будут новые казни?

– Возможно, но лично я против. Одна женщина убила мужа, но уверяет, что не специально. Непонятно, чем это отличается от обычного убийства. Почему её непременно долж-

ны повесить, тогда как другие сидят в тюрьме за такое же преступление? А вторая девушка и вовсе невиновна, кристалл не показал на неё, хотя она похожа на подозреваемую. Это её сестра.

– Между прочим, эта преступница Шиглен дочь помощника судьи второго района, – заметил Киrr.

– Это важно?

– Подумайте, Аян. До этого клятые колдуны появлялись только среди простых рабочих. Не знаю уж, кто они там, дворники или уборщики конских какашек, но так недолго разглядеть вину совета Георга.

– Вину совета?..

– Подались несчастные в магию от безысходности, они бедны, город им не помогает, нет социальной защиты. Что они ещё там пишут на своих плакатах? – риторически спросил Киrr. – Сразу начинают раскачивать лодку, что виноваты не столько маги, а их бедственное положение. Идём в ногу со временем – накормим нищенок бесплатно. И тут появляется дочка вполне обеспеченного господина... стало быть...

– И ничего, – перебил Тисаев. – Семья Шиглен не бедствовала, но и во благах не купалась. Ровным счётом ничего это не изменит. Как писали, что виноват совет, так и будут писать. И отчасти они правы, только не в том, кто виноват, а кто делает хуже. Магия – крайне необычная проблема, решать её нужно по существу, а не гоняться за всеми сразу, надеясь распугать. Мы и раньше слышали о культах за пре-

делами нашей агломерации, годами, но кого это волновало? Те, кто продвигал идеи города на юг, стараясь убедить Садор принять власть Георга, знали и слышали о монахах, огненных людях, озёрных жителях, но большей частью игнорировали. Теперь же комья этой дряни сыплются на нас со всех сторон. Поздно строить хорошую мину, нужно искать здоровый компромисс, ведь маги пока всерьёз ничего не предприняли. Неизвестно едины ли они, или же много разрозненных групп. Строго говоря, мало что вообще известно.

– Думаете, они нападут, как пишут на плакатах? – взволнованно спросил Аян. – С севера?

– Я читал доклады о северных вторжениях. Якобы маги собирают там силы, чтобы поквитаться за смерть своих или в отместку за прошлые поражения северян. Это говорит о высокой организованности, но здесь мы видим иную картину: больше похоже, что люди случайно связываются с магами, никто не признался даже перед казнью, что сотрудничал с ними. Даже есть мнение, что казнённые не знали, что они маги.

– Ну, вы преувеличиваете, Тисаев, – отмахнулся Киrr. – К слову, о войнах, я же пригласил поздравить тебя, дорогой друг! – воскликнул Киrr и протянул руки к Аяну. – Совет принял решение назначить тебя главным по поставкам в Георг, а также назначить во главу южного резерва.

Аян не ответил на жест Киrrа, не полез обниматься, вместо этого слегка отстранился.

– Простите, снабжение? Я всего лишь руковожу Брицем. И поставками из Садора, пока она были. Теперь же, с разрушением постов охраны, они, скорее всего, остановятся.

– Да брось, дорогой друг, – отмахнулся Киrr, наливая себе ещё рюмку. – Садор мы вернём, когда решаться другие проблемы. Но на случай нападения с юга там поставят резерв из бывших военных, уволенных со службы ранее. Твоя задача – следить за работой региона, пока большинство управляющих юга будут в армии.

– Так сложилось, – пояснял Тисаев, – что предместья формально принадлежат офицерам армии Георга, особенно самые южные городки. Полагаю, традиция премировать военных землёй пошла ещё со старых войн с Цинским царством. На всех, конечно, не хватило. Большею частью это внуки и правнуки бывших храбрых воинов, отучившиеся в офицерской школе или прошедшие службу.

– Я в общем-то тоже внук такого человека, но не командир, – пожал плечами Аян.

– Скажем прямо, этим людям на деле нельзя доверить командование даже свиарником, не то что регионом...

– Не будьте так категоричны, Тисаев! – вмешался Киrr.

– И всё же они офицеры. Солдат набрать нетрудно, обучить немного сложнее, но вот командиров мы так быстро не наколдуем, – продолжил мысль Тисаев. – Пусть исполняют свой долг, а вы показали себя опытным руководителем, Аян, так что займитесь продовольствием и снабжением.

– Война войной, – вновь поднял палец кверху Кирир, – а кормить людей чем-то надо.

– Сами войска резерва возглавит кто-то другой, но вы будете принимать окончательные решения по общим вопросам. Я настоял, чтобы никто из пригретых кумовством не мог руководить за пределами боевой обстановки. Обеспечьте солдатам условия, пусть даже с пироманами вы не справитесь, но сможете существенно ослабить противника. Основные силы прикроют город с севера.

– Вы полагаете, Тисаев, маги действительно придут с севера? Придут пировать на костях?

Глава охраны не успел ответить на этот вопрос, дверь в комнату открылась, заглянул Пётр. В его руках был зонт, он нерешительно осмотрел всех присутствующих, затем обратился только к Аяну:

– Вы будете выходить, господин? Мне дали зонт, но дождя-то нет... и я...

– О, парень! – воскликнул Кирир. – Ты только сейчас нашёл зонт! Иди-ка, иди-ка! Посмотри там в окно, посчитай птичек, мы скоро заканчиваем.

Дверь закрылась. Аян испытал стыд за то, что у него такой бестолковый помощник. Петру не хватило ума, даже чтобы постучать. Надо бы выгнать его, Анну он так и не нашёл, работник из него неважный.

– Занять бы парня твоего, – сказал и икнул Кирир. – Помыл бы он мне окно в спальне, что ли. Кстати, ты слышал про

запрет носить капюшоны и закрывать лицо, дорогой друг? Один из моих слуг, такой же раздолбай, как твой, пошутил тут... как-то... было смешно... Ах да, он говорит: они отняли у нас капюшоны, затем отнимут лифчики, а потом и последние трусы! Ха-ха!

Ни Аян, ни тем более Тисаев не поддержали веселье Кирра, уже успевшего проглотить не менее трёх рюмок, пока шёл разговор.

– Вот ещё что я хотел сказать, – продолжил Тисаев, игнорируя Кирра. – Я занялся изучением феномена магии очень серьёзно. Меня беспокоит неоднозначность многих выводов и решений, следует разобраться тщательнее. Поэтому я лично расследую все события, приписываемые обычно магам, пытаюсь глубже разобраться в проблеме.

– И как же? – вновь икнул Кирр. – Вызвали дух вашей дражайшей бабушки? Или какого демона?

– Я отыскал эту книгу, – Тисаев вытащил и положил на стол книгу за авторством некого Жана Маньюэ. – Она свободно продавалась на протяжении десяти лет, может дольше, и есть в городской библиотеке.

– Книга описывает, как стать магом? – удивился Аян.

– Нет. Она в жанре фантастики. На первый взгляд любопытная интерпретация темы культов и магов, когда эта тема была на слуху. В момент, когда книга была новой, как раз началось переманивание Садора из диких земель. Вы знаете, что многие критиковали это решение по разным причи-

нам, но здесь автор скорее рассуждает о природе самой магии. Это история об изучении автором культов и источников, становлении религии где-то на юге, и в целом она описывает природу текущих событий. Если не брать в расчёт элементы с явными признаками оккультизма, вроде бога, который всех делает магами по желанию, то получится очень реалистично.

– А что автор?

– Умер, по-видимому, – пожал плечами Тисаев. – Деньги приходили на счёт в банке, но никто их не снимал. Цена назначена низкая, печать и продажа окупались, но доход от книги совсем скромный.

– Как нам поможет это? – спросил Аян, беря книгу в руки.

Возможно, в этом тексте был ответ или хотя бы намёк на ответ. Но хочет ли Аян знать всё? Важнее ли правда тех остатков покоя, которые пока жили в его разуме?

– Знай своего врага, – суровым басом ответил Тисаев. – Почитайте на досуге.

Ночь

Июль, третий год Патриарха.

Прошёл почти месяц с тех пор, как Цимбу практически похитили. Похитители спасли её жизнь, хотя и сделали это против её воли. Они называли себя тёмными, их было всего трое. Старший назвался Дэнс, не поясняя, откуда появилось такое странное имя. Он хмурый брюнет, обладающий на редкость певучим голосом, что не слишком вяжется с его внешностью. Наверное, из него вышел бы неплохой солист, но он предпочитал сидеть на чердаке и командовать двумя своими учениками – Катериной и Вирком. Они воры, или даже грабители, забирают себе всё, до чего могут дотянуться и остаться безнаказанными.

Их основная способность делала тёмных трудноуловимыми для городской охраны. Тёмные умели исчезать в одном месте и появляться в другом, но не всё было так радужно, как представлялось, если так вообще можно сказать о чём-то тёмном. Перемещение тратило много сил и выполнялось медленно, занимая полные десять секунд в лучшем случае, при этом брать с собой большие или тяжёлые предметы было нельзя. Даже более того, тёмные могли перемещать только себя да тонкие, неказистые комбинезоны, которые носили на голое тело. Новичок в магическом деле и вовсе мог перемещаться только голышом, что создавало определённые

трудности. Впрочем, Цимбе было ещё рано думать о таких вещах, за месяц она так и не научилась даже примитивным приёмам. Дэнс лично обучал её и наставлял, он объяснял ей, что она теперь хранительница, а не какая-то там магесса или колдунья, как обычные люди называют подобных им.

– Продолжим урок, – Дэнс вывел Цимбу из нахлынувших на неё раздумий. Они стояли на узком, ровном участке крыши в полдень очередного июльского дня. – Ты должна полностью осознавать, что тьма есть повсюду и всегда. Сила стихии приходит на зов твоего внутреннего я. Стань зовом, призови тьму, тогда она наполнит тебя целиком, но не тело, а твой дух. Ты вдыхаешь во тьму смысл и цель, сама отчасти становясь тьмой. Не думай об этом, как о разумном существе: стихия – сила неуловимая, являющаяся частичкой мироздания, у неё нет воли или цели. Но воплотить её во всей мощи нам дано. Контроль над силой даётся через принятие твоего родства с тьмой. Без контроля, без этого чувства и осознания власти над стихией сила не явится тебе.

– Только не тужься слишком сильно, а то будет конфуз, – послышался голос Вирка.

Обернувшись, Цимба увидела обладателя голоса, а за ним уже росло чёрное пятно – скоро появится его подружка. Эти двое были парочкой и постоянно обжимались по углам, кроме того Вирк имел дурную привычку говорить пошлости при всех, даже при Катерине, которой это, похоже, нравилось.

– Как прошёл рейд? – спросил Дэнс. Он, как правило,

не обращал внимания на стиль общения Вирка, изобиловавший крайне неприятными фразами.

– Примерно как обычно, – сообщила Катерина, уже появившаяся из черноты. Радужки её глаз были черны, но она сделала своеобразный жест, и чернота глаз исчезла почти мгновенно. Цимбе приходилось уже видеть этот приём, так хранители прогоняли силу, этот жест не имел названия, но она описала бы его словами «отпустить пёрышко». Это пока было лучшей ассоциацией с жестом: хранитель будто пытался нежно выпустить перо из ладони, чтобы оно полетело вниз, на пол. Дэнс не уставал напоминать Цимбе во время занятий, что держать силу постоянно нельзя. Удерживание силы походило на бодрствование, говорил он, но если не будешь спать, то и силы не восстановятся.

– Я полагал, они теперь лучше готовы? – Дэнс задумался, почесывая подбородок.

– Это если верить их дурацким плакатам, – Катерина лишь пожала плечами. – Мы были аккуратны и осторожны. Всё, что взяли, оставили в четвёртом месте, если что. Ночью заберём. Мы теперь не идём сразу домой, а только до ближайшего места, потом уходим через тьму, так они никогда не поймут маршрут.

– Молодцы, – кивнул Дэнс. – Забираем при свете дня, прячем и вновь забираем ночью, проверяя сперва не раскрыто ли место.

– Может, всё же лучше идти на дела по ночам? – спросила

Катерина.

– Днём на улицах много народу, в толпе легче действовать, проще спрятаться, охране порядка сложнее стрелять, если вокруг много прохожих. Ты уже столкнулась с мушкетерами, так что не рискуй.

– Но мы тёмные, потому ночью действовать нам будет под стать. Это нам подходит, темнота сама будет придавать нам сил.

– Это тебе лишь кажется, Катерина. Возможно, твоя уверенность вырастет, но не обязательно, что сил станет больше.

– А как быть с кристаллами, про которые мы слышали?

– Это нужно ещё изучить, – сильнее нахмурился Дэнс. – Я видел такие предметы, когда ездил в Осьян несколько лет назад, но они только обнаруживают присутствие хранителя, а не атакуют его.

– Их могли улучшить. Теперь Цины продают кристаллы Георгу, так что...

– Не разводи панику раньше времени, пока мы не видели у охраны ни одного кристалла. Действуем осторожно, этого пока довольно. А пока идите, мы с Цимбой вернёмся к уроку.

Дэнс обучал её призыву силы, самой основе основ. Прежде чем использовать так называемую магию (хотя Дэнс не любил это определение), нужно было научиться наполняться силой до краёв. При этом цвет радужки глаз хранителя менялся на чёрный. У Дэнса была некая теория на этот

счёт: он утверждал, что глаза – это зеркало души, а раз в душе хранителя поселяется стихия тьмы, то глаза показывают его истинную сущность. Чёрный цвет магической тьмы был совершенно нереальным, темнее любого другого чёрного, увиденного Цимбой за всю жизнь.

Призвав силу, хранитель мог вызывать из ниоткуда лоскутки тьмы, исполняющие его волю. Лоскутки не имели чёткой формы, походили на обрывки чёрной ткани, парящие в воздухе вокруг хранителя. При правильном применении они могли резать, бить, кромсать, дробить и причинять иные повреждения. Дэнс пояснял, что тьма является такой же частью мироздания, как и любая другая стихия, поэтому – хоть это и кажется невероятным – растворена в каждом материальном объекте. Лоскутки забирали эту часть себе, вызывая повреждение объекта.

– Силы стихии разнообразны и неоднозначны, – пояснял Дэнс. – Тебе наверняка интересно, как понять насколько ты сильна или кто-то другой. Ордена на юге, записи которых я раздобыл, создали теорию, которая пытается вписать количество твоих сил в какие-то рамки. Так устроен наш разум: всё делит на уровни, на ранги, пытаюсь определить некое мерило. Нам важно знать своё положение на шкале любого мыслимого вида: насколько мы богаты в сравнении с другими, насколько красивы, в какой степени любимы. На одни вопросы можно ответить точно, другие субъективны, третьи зависят от наших ощущений больше, чем от фактов. Так и

со стихией: нельзя назвать сколько в тебе стихии, ибо нечем измерить; можно сравнить с другим, но ты легко ошибёшься. Вопрос силы хранители условно разделили на «подъёмы», некие шаги, отмеряющие пройденный тобой путь вверх к величию силы, отделяющий новичка от мастера.

– И как понять, сколько у кого подъёмов? – поинтересовалась Цимба. От теории Дэнса у неё тяжелела голова. – Спросить, сколько шагов он сделал?

– Нет. Это вопрос внутреннего взора, ощущение силы. Сам этот приём позволит тебе научиться управлять стихией лучше.

– Вот же нудит, – вставил Вирк. – Рассказал бы я вам о подъёмах и что нужно делать, если они случаются...

Катерина хихикнула при этих словах, а вот Дэнс совсем не обрадовался вмешательству. Цимба и вовсе уже начала забывать, что эти двое стоят рядом, и потому даже удивилась.

– Хватит расслаживаться! – возмутился Дэнс. – Пока не стемнело достаточно, идите найдите себе полезное занятие!

Они ушли, что-то нашептывая друг другу, слышались смешки Катерины и новые пошлости от её парня, которые он стал говорить громко, едва они спустились с крыши в жилище. Это было обычным делом.

Хранители тьмы жили на четвёртом этаже неказистого жилого дома, затерянного среди точно таких же домов в районе обветшалого рынка, на востоке города. Четвёртый этаж представлял собой заброшенный чердак, приведённый в по-

рядок хранителями, но всё равно остающийся неудобным. Дэнс называл это место их «летней резиденцией». Цимба очень скучала по своей комнате, которую делила с сестрой ещё недавно. Но смирение постепенно приходило к ней: вернуться нельзя, иначе церковь просто повесит её на площади, как поступила с теми несчастными.

– Значит, мне нужен контроль над стихией? Волевое усилие? – спросила Цимба. Дэнс явно сбился с мысли, нужно было немного его направить.

– Да. Вспоминай, что я говорил тебе вначале: тьма повсюду, ты должна научиться призывать её, велеть ей прийти.

– Как же тьма повсюду, если сейчас день?

– А если убрать свет, что останется?

– Да, но... это же не... то есть мы же не можем убрать солнце – следовательно пока день, тьмы не будет!

– Но если бы могли, то осталась только тьма, верно? Но кто тебе сказал, что свет полностью вытесняет тьму, а не просто маскирует её? Просто поменяй их местами в своём воображении. Ты ведь учишься чувствовать в темноте и должна понимать о чём речь. Что если это чувство было бы зрением, тогда получалось, что сейчас темно, а светлеет тогда, когда уходит эта затеняющая штука. – Он показал на солнце. – И вот тебе ещё одно упражнение для ума: что если убрать и тьму, и свет, что останется? Смысл противоположностей стихий сводится к этому. Каждая пара стихий в известном смысле противоположна, но не пересекается сама по себе с

другими стихиями. Их однако нельзя представить друг без друга, ровно как и без остальных стихий. Возьмем стихию тепла, известную как «огонь», но что будет без стихии холода, известную по какой-то причине как «вода»? Огненный жар без верхней границы? Но нам не с чем его сравнить без холода – всё будет нагрето одинаково, и нет никакого смысла. И что будет нагрето, если нет иных стихий? Так же со светом и тьмой. Что мы увидим в ослепляющем свете, если нет тьмы, и в чём выражается тьма, если не бывает света? Они связаны, но отображают сути иных стихий, а не друг друга. Свет показывает образы других вещей, тьма же наполняет мир подобно холоду, задает контраст, на фоне которого свет имеет смысл. Понятно?

– Вроде бы, – голова у Цимбы уже болела от попыток вникнуть в слова Дэнса.

– Как нельзя представить мир без света и тьмы, ровно так же без холода и тепла одновременно. Стихии слились для рождения нашей реальности. Отличие света от тьмы в том, что он сильнее, но лишь когда он есть. А тьма есть всегда, только слабеет при свете. Так понятно?

* * *

Вечерами они сидели на чердаке. Дэнс распределил время так, чтобы Цимба привыкала к тёмному образу мыслей, как он пояснял это сам. Ночь была отведена для практиче-

ских занятий, потому что в настоящей темноте вызвать стихию легче. Он отмечал, что тёмное время суток упрощает обращение со стихией, пока к ней не привыкнешь, но затем только подпитывает самоуверенность.

«Учись преодолевать свои слабости, я не советую полагаться на темноту постоянно. Ты почувствуешь себя сильнее, это правда, но само это чувство скорее ослабит новичка», — пояснял Дэнс.

Пока практика сводилась к бессмысленным жестам и упражнениям для разума, наподобие разных головоломок на тему стихий. Дэнс уверял, что их стихия отрицает материальные привязанности, потому и позволяет нырять через себя, минуя пространство. Хотя само пространство никуда не исчезало. Катерина рассказывала Цимбе, что всё равно чувствует расстояние, когда обращается в тёмное пятно, и она вынуждена проскальзывать его в форме тени, пусть со стороны это и выглядит как просто исчезновение, а затем появление. В любом случае Дэнс утверждал, что физическое чуждо стихии тьмы, потому никаких сложных упражнений и нагрузок не требуется. Практика не слишком отличалась от теории, даже пресловутые жесты для вызова силы Дэнс называл «приёмами новичков», сам он жёстами не пользовался и отзывал силу, ровно как и призывал её, просто раскрытой ладонью, одной силой воли, как он говорил.

Если ночью тренировались, то утро отводилось на сон. Сны Цимбы стали очень насыщенными, в плане событий, но

побледили, потеряли краски. Дэнс говорил, что к этому легко привыкнуть, он и сам уже много лет видит только такие сны. День уходил на теорию: учитель наставлял Цимбу, обучая мыслить «по-тёмному», даже когда светит солнце, или скорее вопреки дневному свету. Ну а вечер был временем отдыха. Хотя даже вечерами Цимбу не оставляли в полном покое, она ощущала, будто вернулась в школу, которую не так уж давно окончила. Дэнс повторял про её большой потенциал, ощущаемый им, про огромный и сложный путь, обязательный привести весь мир к его тёмной судьбе.

– Сосредоточься, – велел Дэнс, когда они сидели вдвоем как-то поздним вечером. Катерина и Вирк опять ушли по своим делам, а точнее, чтобы забрать награбленное из очередного тайника.

– Получается?

– Нет, – призналась Цимба.

Он снова и снова раскладывал вещи в случайном порядке, разные мелкие предметы: камушки, щётку, стакан, ржавую монету и прочие. Её задача была с завязанными глазами определить, что в какой части стола лежит на этот раз.

– Ты ещё не веришь нам, – печально пропел Дэнс. – Жаль.

– Вовсе нет! Я знаю, что я хранительница! Я очень стараюсь, правда! – возразила Цимба.

Она и в самом деле больше и больше ощущала себя тёмной. Идеи Дэнса о тёмном мире, в который он мечтал обратить всё на свете, не сильно вдохновляли Цимбу. Однако

присутствие тьмы в своём внутреннем мире она не отрицала. Цимба всегда любила темноту, мрак, чёрный цвет. Теперь ей казалось, что образ очень шёл ей: её длинные, чёрные волосы, тёмно-карие глаза, – внешность Цимбы говорила только об одной стихии. И пусть Дэнс сколько хочет твердит, что образ не важен – для Цимбы он значил очень много. Она впервые ощутила, что предназначена для чего-то, и это что-то подходит ей.

– Старание – это замечательно, – ответил Дэнс. – Но ты совершаешь ту же ошибку, что и мои ученики – пытаешься остаться собой. Хм... Стихии парные, у каждой есть противоположность. Наша, как ты, конечно же, понимаешь – свет. В каждой паре одна стихия для веры, а другая для служения. Так говорят издревле.

– И что это значит? – спросила Цимба, ещё сидя с завязанными глазами.

– Верь, – просто ответил Дэнс. – А значит – доверяй. Раствори свои переживания, страхи или, наоборот, безразличие во тьме. Это меняет человека, постепенно... но нужно верить, что это необходимо.

– Я уже мало что понимаю, – с лёгким раздражением ответила Цимба.

– Монстры живут в темноте, – сказал Дэнс. – Услышать их, тем более увидеть, можно только поверив в это. Это тебе не свет – никто не покажет тебе пальцем, не ткнёт в светящееся чудо лицом. Образы света лишь отражают реальность,

они – ничто в сравнении с возможностями тьмы... Там, за гранью, в абсолютной темноте мир чудовищ, мир тёмных существ.

Цимба ещё некоторое время сидела в повязке. Порой ей начинало казаться, что она видит предметы перед собой, но это была только иллюзия. Она до сих пор помнила то время в подвале, когда они встретились с Дэнсом в первый раз. Тогда ей удалось на несколько минут открыть тёмный взор, но после пробуждения он больше не возвращался к ней.

– Наверное, монета в правом углу, стакан в центре, а слева... расчёска, – предположила Цимба.

– Нет, ни разу не угадала, – отозвался Дэнс. – Я поменял вещи, пока говорил. Теперь тут книга, кружка и огарок свечи.

– Разве можно так менять вещи, не предупредив? – слегка обиделась Цимба. – Я же только учусь!

– Так ты учишься видеть тёмные образы вещей, а не угадывать, где они лежат. Достаточно на сегодня. Отдохни, а после полуночи вернёмся к попыткам вызвать силу.

Искра

Июнь – Июль, третий год Патриарха.

Этот поход был не только самым необычным, но и самым тяжёлым событием в жизни Анны. Они втроём вышли поздним вечером и притаились в одном из закоулков города. На улицах уже поговаривали о введении комендантского часа, но пока до этого, к счастью, не дошло. Покинув город ночью, они шли по дороге в сторону Бонца и остановились лишь к следующему вечеру. Дальше путь пролегал по этой же дороге.

Идея была в том, чтобы пройти Бонц, ближайший городок в южную сторону, а затем, дойдя до большой развилки, свернуть в леса. Повозки проходили участок до Бонца за половину дня, с учётом остановки для отдыха людей и лошадей. Их группа шла три дня, притом что делала остановки через каждый час-полтора для отдыха, сильно уставая с непривычки, а также отдельные привалы для обеда и ночной привал для сна. В окрестностях Бонца был затеян большой отдых, чтобы набраться сил.

Тратить деньги, которых осталось немного, на саму дорогу было неразумно. На окраине Бонца они увидели почему: у пассажиров охрана проверяла проездные бумаги, тщательно сверяясь со списками и разрешениями. Многие возмущались, ведь это внутренние территории Георга, но их проси-

ли «проявить понимание» из-за сложной обстановки. Очень редко, чтобы у кого-то документы были заполнены неверно, но тогда проверка просто занимала больше времени – охрану куда сильнее интересовал сам факт наличия документов. По этой причине проходить Бонц было решено вечером, но не ночью, как в Георге, и по отдельности. Именно так, рассудила Осина, у них больше всего шансов проскочить мимо усталых охранников, смешавшись с людьми.

Бонц был пройден и дальше лежала пыльная дорога. До развилки большого тракта дошли за четыре с половиной дня. Анна неожиданно обнаружила, что устает значительно меньше остальных. Чего бы она никогда о себе не подумала, так это о своей лучшей физической форме. Странно. Тяжелее всего было Осине, для которой путешествие стало настоящим испытанием. Анна поддерживала её как могла. Но Осина, особенно первое время, сильно поникла, выглядела вымотанной и почти не разговаривала.

На большой развилке устроили ещё один долгий привал.

На утро внезапно появилась медленная, громыхающая и скрипящая повозка с единственной лошадью в упряжке. Старик, везущий какое-то барахло, заинтересовался странной компанией, подтвердив их худшие опасения. Но вдруг нашёлся Лемов, наврав ему и про имена, и про маршрут, и про цель путешествия. Старик оказался очень разговорчивым и простым человеком. Пообщавшись немного с Лемовым, он радостно предложил им доехать прямо до Тель-

ца, куда и направлялся сам. Учитывая враньё Лемова, отказываться было, скорее всего, нельзя. Повозка ехала едва ли сильно быстрее, чем они шли, но без остановок довезла их до Лесма – следующего городка в эту сторону. Там старик дал своей кляче передышку, и только потом они снова отправились в путь.

Дед болтал без умолку, рассказывая о своей поездке, предыдущих поездках, о городках в южных предместьях Георга, в которых ему удалось побывать. Он рассказывал о Тельце – городке на юго-юго-западной границе Георга. Там он жил, там жила его дочь, вышедшая замуж за забулдыгу. В Тельце была жена старика, страдающая от заболевания, лишившего её памяти о прошлом. Жена даже не помнила, что замужем, а дочь постоянно докучает, жаловался старик Лемову.

Старик задавал много вопросов. В этой ситуации раскрылся талант Лемова отвечать бесконечно общими фразами или задумчиво выдавать риторические высказывания. Осина велела перед выходом стараться не упоминать Георг, особенно проблему колдунов, чтобы не наталкивать людей на мысли о проверках. Ещё лучше вовсе не говорить о себе. Лемов легко справлялся с этим заданием. Его ответы были настолько общими и неясными, что понять из них что-либо решительно невозможно. Старик однако умудрялся додумывать мысли Лемова самостоятельно.

– И откуда вы, масть? – переспрашивал старик.

– Из Брица.

– А, ну да. Далековато будьте. А как оно там?

– Нормально.

– Хорошо. А как были работы в этот год?

– Ну... Как тогда уже не будет, – ответил Лемов, подняв глаза к небу.

Старик понимающе хмыкнул.

– Ну да, ну да, – бормотал он. – Это понятно. А вот я помню...

И пошло-поехало. Анна не умела так общаться. Она непременно спросила бы Лемова: что «тогда», как это «тогда», хорошо это или же плохо. Однако старику не нужны были подробности, ему годился любой повод для беседы. Слушатель старику важнее, чем говорящий. На девушек он вообще не обращал внимания, чем слегка обидел Анну. Так до самого Тельца беседа шла только между мужчинами, если можно к ним отнести Лемова, а они с Осиной отдыхали.

Доехать до Тельца им удалось лишь к ночи, но и такой результат был куда лучше, чем идти пешком ещё пару дней, ведь усталость никто не отменял. Попрошавшись со стариком, они наконец вошли в лес. Теперь, по плану Осины, нужно лишь перейти границу по чаще. Дальше путь шёл к реке, вдоль которой они дойдут до таинственного храма.

Анна несколько раз уточняла про храм у Осины, но однозначного ответа не получила. Осина лишь говорила: «Есть указания на древнее святилище или храм, принадлежащий

некому культу». Что именно там найдётся, как этим воспользоваться и, важнее всего, почему его до сих пор не нашли местные? Но ответов нет.

Лес оказался гораздо злее и серьёзнее, чем представлялось изначально. Всё, что у них было: компас, прихваченный Осиной из города, да карта, вырванная из какой-то книги. Остальные познания, полученные когда-то, мигом обратились в ничто. Анна решительно не понимала, как можно не заблудиться здесь: лес был везде разным в той же степени, сколько и одинаковым. Больше лиственный лес с вкраплениями хвойных деревьев, со множеством разных кустов и трав. Им попадалось немало оврагов, но исключительно мелких, закрытых ветками, в них кто-нибудь постоянно норовил провалиться. Они нашли немного ягод и грибов, но есть их было опасно – отравиться этим смертельно, объясняла Осина. Анна ощутила, что весь её опыт деревенской жительницы недорого стоит, ведь она толком ничему не научилась.

Пища была лишь одной проблемой, припасы кончались, но дойди они до селения, их можно было бы пополнить. Идея, поданная Лемовым перед отправкой, могла немного сэкономить им деньги: покупая в городе, они платили ещё и за привоз, поэтому они взяли в поход меньше, но планировали закупиться в ближайшем селении. Конечно, селяне должны были брать деньги Георга, особенно так близко от него. Даже в Садоре монеты Георга были вполне в ходу, а он был дальше от города, чем ожидаемое место выхода из леса.

Вопрос только в том, что делать дальше, когда закончится последнее.

– Сейчас мне пригодились бы силы магии, – сказала Анна в один из дней.

– Так п...пытайся воспользоваться ими, – ответила ей Осина.

– Но как? И что я могу сделать со светом? Если только освещать путь ночью, но нам это не нужно.

– Всякое порождает всякое, – мудро сказала Осина. – Стихии едины, п...потому могут примерно одно и то же в своей основе.

– И что это значит?

– Как минимум, л...любой стихией можно наносить вред. Значит, можно охотиться на животных.

– Я не стану убивать животных! Это жестоко!

– Ты в с...своём уме?! Тебе с...своя жизнь дороже или животного?!

– Но нельзя же так, – мотала головой Анна. В Брице была скотобойня, звуков из которой Анна всегда боялась. – Убивать, отнимать жизнь магией, это ли не причина, по которой нас ненавидят? Колдунов, я хочу сказать.

– Ну да, – вставил Лемов, – убивать топором или вешать куда добрее.

– Вот, п...послушай, – кивнула Осина. – Стихия – только инструмент.

– Я никогда не убивала никого, разве что жуков давила, –

возразила Анна.

– А ещё ты явно н...никогда не г...голодала, – нервничала Осина. – Когда начнёшь, лучше уже владеть силой. Так что попробуй звать свет, пока идём.

В какой-то момент путь пошёл вверх. Склон был не очень крутым, но теперь ноги сильно путались в поросли, ещё здесь встречались крупные камни и что-то вроде земляных валов, которые приходилось обходить. Лес немного поредел, но сами деревья стали больше, их корни тоже теперь были существенным препятствием, они разрослись по земле, и можно было даже почувствовать, как сильно они держатся за неё. Огромные кроны загораживали небо. В этом полумраке Анна чувствовала себя неуютно, какой-то ослабленной. Но это, должно быть, от долгого пути. Она уже забыла, когда принимала ванну, рационы пришлось урезать до минимума, этот поход держался только на силе воли её участников, бывшей уже на исходе. Насколько долго трое неподготовленных людей ещё смогут выдерживать это?

В какой-то момент Анна остановилась и облокотилась на дерево. Она шла первой, остальные подтягивались сзади. Это казалось странным и по сей день: пусть она и была сельской жительницей, но как ей удавалось быть выносливее этих двоих? Анна изначально была уверена, что первой свалится от усталости, хотя она бы могла разделить эту честь с Лемовым. Пока же ей поход давался несколько легче остальных.

Что-то хрустнуло в кустах довольно близко от неё. Выяснить это было бессмысленно, лучше потратить время на передышку. Когда подошли остальные, они просто уселись на землю, Осина и вовсе постанывала. У неё, бывало, сводило ноги, это было крайне неприятно, но надо идти дальше, несмотря ни на что.

Вдруг снова хрустнуло. И ещё раз. Потом хруст и треск стали появляться со всех сторон, и из ниоткуда появились три человека. Трое мужчин окружили их, на них была зелёно-коричневая форма и какие-то интересные добавки, сделанные из веток кустарника, прикрепленные на плечи, голову и торс небольшими связками. Они замаскировались под кусты и ждали их.

– Та-ак, – протянул один из мужчин. Анна почувствовала, как ползёт холодок по спине. – Кто тут у нас?..

Бежать! Анна рванула в сторону. Каким-то чудом это стало неожиданностью для тех троих. Тем не менее один из троицы кинулся за Анной. Сзади пошла какая-то потасовка. Две мысли трепыхнулись на краешке сознания. Во-первых, это были пограничные сторожа, потому попадаться было категорически нельзя. Во-вторых, Осине и Лемову, похоже, уже не убежать.

Сердце бешено стучало, она неслась так быстро, как могла, и вроде бы оторвалась от преследователя. Но бежать слишком долго она не сможет. Надо бы спрятаться, но вот где? Не думая Анна просто заступила за ближайшее дерево и

прижалась к нему спиной. И почти сразу услышала преследователя, значит он не отстал.

– Не убегай, лисичка, – звал он, – всё равно не убежишь. Да ладно тебе, мы девчушек не обижаем.

Паника начинала душить Анну. Понятно, что он не сдастся так просто. Этот человек ходит в этом лесу постоянно, он должен уметь делать это на отлично. Она слышала его шаги, ровные, медленные. Он не бежал и не шёл – он подкрадывался. Сторож, должно быть, прислушивается, пытаюсь определить, в какую сторону рванёт Анна на этот раз. Застать бы его врасплох, но как? Она не видела его, а теперь и не слышала.

Сторож замер ожидая, она же вжималась в дерево, укрывшее её на эти секунды, и крутила головой в надежде что-нибудь разглядеть. На мгновение Анне почудилось, что она видит этого человека. Он полуприсев выгибался то в одну, то в другую сторону, стараясь зацепить взглядом хоть уголок её одежды, хоть краешек тени Анны, чтобы понять, куда она побежит дальше.

Бежать! Она рванула опять. Между вариантами сдаваться или убежать вариантов Анна не видела. Через пару шагов солнце ударило ей в глаза через пространство между ветвями высоких деревьев.

«Помоги, солнышко, ослепи его», – подумалось Анне.

Но ещё через пару метров сильная боль пронзила её тело с пяток до самой макушки головы. Для Анны мир вспыхнул, будто цвета усилились на пару мгновений, и она упала без

малейших сил.

* * *

Хотя силы и покинули Анну, сознание осталось при ней. Её будто парализовало: руки и ноги отказывались двигаться, тело расслабилось и совершенно не воспринимало команды. Она могла только двигать глазами, моргать и дышать, но даже вдохи давались с трудом. Пока она лежала не шевелясь, трое сторожей связали ей руки и ноги, немного поспорили между собой в стороне, а потом смастерили носилки из каких-то веток. Осине и Лемову руки сзади застегнули хитроумными кандалами с замками. И всю троицу повели куда-то, точнее, вели только двоих, а Анну волокли на конструкции из веток. Хоть они и называли это носилками, на практике их никто не нёс, лишь один из сторожей взялся за конец и потащил связку веток волоком по земле.

Возможность двигаться возвращалась к Анне постепенно. Шевелиться она смогла ещё до того, как её погрузили на носилки, но руки и ноги надёжно держала верёвка, так что о побеге можно было только мечтать. Общий путь занял у сторожей минут сорок неспешным шагом, за это время Анна уже полностью овладела телом и даже почти перестала бояться. Страх был более опасным врагом, чем эти люди, он дурманил мысли и не давал поступать разумно. Хотя разумного выхода Анна не видела. Как же сторожа сумели поста-

вить засаду ровно в том месте, куда пришла троица? Скорее всего, они слишком шумели, гораздо больше, чем осознавали это. Этот факт позволил сторожам заранее определить то, куда они двигаются, и опередить их.

Теперь уже поздно было корить себя, в конце концов, они ведь попытались. Никаких документов с собой троица не брала, а значит во время разных проволочек по выяснению их личностей будет ещё один, пусть и мифический, но шанс на побег. Сейчас же, будучи со связанными ногами, Анна не смогла бы даже встать, да и молодой мужчина, что тянул её носилки, мог почувствовать изменение веса сразу же. Руки были связаны так, что оставляли пальцы свободными, но запястья плотно прижимались друг к другу. При таком положении развязать верёвки было крайне трудно, да и сторожа завязали там хитроумные узлы с несколькими петлями, Анна и понятия не имела, как такие узлы развязывать. Резать верёвки ей было нечем, да и стянуты они были очень сильно.

Таким образом они добрались до поляны, залитой солнечным светом, покрытой цветами и травами. Посреди поляны росло два кривых дерева, одно кривилось в одну сторону, другое в другую. Между этими деревьями располагалось нечто, что Анна приняла за небольшой холмик, поросший кустами. Но по мере приближения стало понятно, что это какая-то хибара. Впрочем, ещё ближе дом уже выглядел довольно ухоженным, хотя и был замаскирован под холм с кустами. Крыша была обильно завалена ветками, стены специ-

ально покрасили в нужные цвета, стёкол здесь не было. Тем не менее в окнах виднелась довольно уютная обстановка, а также то, за что Анна теперь готова была на многие жертвы: нормальные кровати, столы и стулья. Бросилась в глаза ржавая клетка, стоящая снаружи дома, её прилично обвила лоза, а на верхней решётке, заменяющей потолок, лежала гнилая доска. Именно в эту клетку завели всю компанию.

Для троих в клетке было тесновато, но даже один человек не смог бы здесь лечь. Всё, что здесь было – скамейка, представляющая два узких пня, между которыми прибили доску. Скамейка была гнилой и щербатой. Лемова и Осину расковали и усадили на скамью, а Анну вдвоём перетащили в клетку и пристроили в углу так, что в неё упирались ноги остальных. Старший из сторожей закрыл решётчатую дверь этой примитивной тюрьмы и скомандовал принести ему замок. Этот главный сторож был усатым, но безбородым мужчиной, крепким на вид, хотя у него виднелся приличный живот. Он был не менее чем вдвое старше двух других сторожей.

– Решили погулять, детишки? – спросил главный из пограничных сторожей, снимая наконец с головы связку из веток кустарника, прикрепленную каким-то обручем.

До этого главный с ними не заговаривал, хотя обильно обменивался фразами со своими подручными. В основном он изливал плоские шутки и подначивал двух других сторожей. Они то и дело посмеивались, снова и снова, что один из них

умудрился-таки загонять хлипкую девицу. Эта шутка обыгрывалась у них разными способами, пока они шли, вплоть до неприличных намёков.

– Чего это вам по дорогам не ходится, ребятня?

Троица была, бесспорно, младше сторожей, но детьми их звать было немного перебором, хотя отвечать ему всё равно никто не стал. Принесли замок, и главный запер клетку. Это был висячий замок, довольно старый на вид, но очень массивный. Подёргав его для проверки, главный повернулся для раздачи приказов:

– Скороход, раз за девушками бегать научился, пойдёшь к семнадцатому посту, доложишь что и как. Как вернёшься, подготовим ребятню к переправке. Скажи, пусть о провизии позаботятся только. Будем ждать тебя, может, они пошлют сообщение дальше, но пока не отобьют мне ножкой приказ, я этих не потащу, учти.

– А рапорт? – спросил этот Скороход. Анна решительно не могла отличить двоих сторожей, что были помладше, друг от друга, по-видимому, из-за веток на их головах.

– А что рапорт? Словами доложишь! Груза у них нет, оружия нет, сопротивления от них тоже почитай нет. Выписывать я тебе сейчас буду, закорючки выводить!.. Живо топай! – прикрикнул главный. Скороход поспешил удалиться. – Ну что, пострелята, будем разговаривать? – обратился он снова к пленникам.

– Мы от войны хотели б... бежать, – вставила Осина. – Мы

б... боимся магов.

– Экие крысята, – неприятно улыбнулся главный. – Вы голодные, погляжу? Вот как поступим: видел я у вас мешочек с монетами, ну так почитайте, что и не видел. Зато получите обед и ужин, по рукам?

– Хорошие цены в вашем кабаке, – презрительно выдавил Лемов.

– Ты по выступи ещё, – огрызнулся главный, кладя руки на свой выпирающий живот. – Как шляться с двумя бабами по лесам, так все горазды, а кто будет от злодеев отбиваться? В какую дыру хотел залечь, крысёнок?

– Не твоё дело, старик.

Главному явно очень не нравился тон Лемова. Зачем этот болван вообще лез со своим мнением, Анна не понимала, момент явно был неподходящий.

– П... простите нас, – поспешила вмешаться Осина, – мы согласны, и м... монет не было у нас никаких.

– Славно, – ответил главный, ещё впиваясь взглядом в Лемова. – Эй, поросль, приготовь гостям по порции нашей каши! – крикнул он куда-то в дом.

Имён он, видимо, специально не называл, званий, если таковые у них были, тоже. Главный ушёл, а из дома слышались звуки металлической посуды и замелькал силуэт второго из молодых сторожей.

– Всё-таки ты д... дурак, Лемов, – сказала Осина после минут пяти молчания.

– Ты зато больно умная. Пройдём через лесок, говорила она...

– Не смей на неё всё спихивать! – вступилась Анна. Она одна была ещё связана, но так хотелось зарядить этому болвану по морде!

– Это был наш единственный шанс, на границе нас бы не пропустили. Женщинам нужно разрешение от отца или мужа, а ты подлежишь призыву, да и меня могли поймать, вдруг у них есть способ обнаружить таких... ну, ты знаешь!

– Знаю. Шанс был, – хмуро ответил Лемов. – И сплыл...

– Я п...пыталась их задержать, – сказала вдруг Осина. – Думала, ты сможешь убежать. Я п...повисла на том п...парне, но он меня сбросил.

– Спасибо, – поблагодарила Анна. Они были знакомы не так давно, но уже были связаны с ней. Ни одна другая подруга не поступила бы так, призналась себе Анна. – Я слишком устала, наверное. Просто упала, и всё. Никаких сил.

– А я д...думала, он тебя ударил, – удивилась почему-то Осина.

– Нет, он не успел меня догнать, – сообщила Анна. – Я просто рухнула, сама не знаю как, я даже не думала, что настолько уже вымотана.

Осина пристально посмотрела на Анну. С чего бы это? Но в этот момент объявился один из сторожей. У него были аж три миски разом, поставленные друг на друга. Миски были с крышками, сделанные из металла и имели клеймо одного из

заводов Георга сверху на каждой. Сперва парень хотел про-сунуть миски сквозь решётку, но они не пролазили ни вме-сте, ни по одной.

– А как она будет есть, ты подумал? – спросил Лемов, ука-зывая на Анну.

– Ладно, сейчас сообразим, – он поставил миски на зем-лю и снова ушёл. Пахло очень даже аппетитно, никак перло-вая каша. Анна всем естественном почувствовала, как же силь-но она проголодалась. Прежние утверждения по поводу охо-ты и попрошайничества были уже не так тверды.

– Анна, – позвала Осина, – тебе нужно кое-что п...попро-бовать.

– Кашу? – уточнил Лемов.

– Не кашу! – пихнула его Осина. – Силу!

– Да, как насчёт того, чтобы погнуть решётки и сбежать? – съехидничал Лемов.

– Анна, ты п...пользовалась стихией! – гнула своё Оси-на. – Ты должна накопить её н...немного. Потом вызови и попробуем сбежать!

– Стихию?! Ты издеваешься надо мной? Какая стихия? – Анна не могла понять, чего же Осина от неё хочет.

– Не глупи! Твоя стихия – свет. Ты звала с...свет? Если да, то он п...приходил, но п...первый раз ты не выдержала. Нужно п...попробовать ещё.

– Свет... – шепнула Анна.

Да, её стихия – это свет. Так они выяснили, судя по симво-

лам из книг. Но Анна никогда не воспринимала это всерьёз. А если это не всерьёз, тогда за что казнили тех людей, почему она сама бежит через дебри в другие дебри? Она привыкла воспринимать это как бесполезное, тяготящее проклятие. Но что если была и польза?

Снова объявился сторож. Он открыл замок ключом, вошёл в камеру, с помощью металлического крючка подцепил верёвку в нужном месте и развязал узлы Анны. После этого он поставил миски в камеру и снова запер её. Сопротивляться было бессмысленно, рассудила Анна. Просто так им не справиться с этими людьми, но если Осина права, то способ был. Нужно набраться сил, пока же она ещё чувствовала слабость.

* * *

– У каждого человека есть стихия, – потихоньку говорила Осина. – Так философствовал Абу-Аль-Инзарек в своей книге. Он был п...первым, кто изучал хранительство. В н...нашей эпохе. Даже если человек не хранитель, он всё равно с...склоняется к той или иной стихии. Какая твоя стихия, Лемов?

– Суп с фрикадельками, – ответил Лемов. Он уже какое-то время пытался поспать, однако сделать это в такой тесной камере было затруднительно.

– А я вот д...думаю над своей, – продолжала мысль Оси-

на. – Думаю, металл бы мне п... подошёл. Металл – красивая стихия. Или вот дух. Стихия, н...наделяющая живое самосознанием.

– Для рыжих есть только одна стихия – это огонь, – комментировал Лемов.

– Нет, – решительно покачала головой Осина. – Может это и п...п...предубеждение, но это очень жестокая стихия. Мне не н...нравится огонь.

– Не нравится ей... Как насчёт природы? Вырастила бы нам покушать чего, – Лемов пустился в свой стиль философии. – От компота я бы сейчас не отказался.

– Ты очень большой д...дурак, Лемов. Степень, в которой ты д...

– Ну, хватит уже, пожалуйста! – взмолилась Анна.

– Прости.

Уже темнело. Никто так и не пришёл, чтобы забрать их куда-то ещё. Ужин тоже состоял из каши, но сытным он не был. Анна чувствовала не только голод, но и подобие отчаянья, хотя и не сильного. В темноте призвать свет, скорее всего, не получится, если это вообще возможно. Вот уже несколько часов она сидела, пытаясь заглянуть внутрь своего духа, если пользоваться словами Осины. Эти попытки были небезуспешны: внутреннее ощущение силы, какой-то её емкости, усиливалось в ней. Сначала это чувство было ускользающим и казалось надуманным, но затем она поняла, что оно реально.

Теперь она ощущала присутствие в ней некой силы, за неимением лучшего слова, и это чувство было таким же реальным, как вкус, зрение или слух. Отныне Анна была уверена, что сила копится в ней постоянно, как бы заполняя её душу, капля за каплей. Она продолжала копиться даже теперь, когда опускалась темнота и появлялись звёзды. Свет есть даже ночью! Луны не видно, но раз есть хоть какой-то свет, то нужно продолжать.

Сторожа совершенно не позаботились о ночлеге своих пленных. Камера не предусматривала ночлег совсем, здесь можно было только сидеть, но не лежать. А при такой загруженности, в три человека, уже и сидеть было крайне неудобно. Руки и ноги затекали, болела спина, не было возможности повернуться набок, и потому начинало ныть всё тело. Лемов отыскал позу с поджатыми под себя ногами, что позволило Анне на какое-то время устроиться каплю удобнее, но через час ногу Лемова свело судорогой и всё вернулось как было, только теперь он ещё постанывал и пытался растереть ногу, в такой-то тесноте. Осина всем телом навалилась на стенку камеры и даже смогла подремать, но вскоре проснулась с сильной головной болью.

Анна тоже не смогла бы нормально спать в этом месте. Из-за того, что скамейка была поставлена немного наискосок, Анна упиралась ногами в дверь камеры, находясь, таким образом, в полулежащем положении, а подушкой ей служил угол, где сходились решетки. Но хотя сон и не был в её пла-

нах, сосредоточиться при таком подходе тоже было нелегко. Она старалась, насколько могла, не понимая в точности, что именно нужно делать.

Анна пыталась звать свет самыми разными способами. Вспомнив, что невольно звала на помощь солнце, Анна попробовала сделать это ещё раз, только вот солнца сейчас нет, а звёздное небо на зов не откликнулось. Она пыталась звать уютный свет, что шёл из дома сторожей. Там горели лампы, такие манящие, тёплые, будто обещаая простор и покой, какого никто ещё не знал, и Анна ненадолго забыла обо всём, просто глядя на него. Свет в окнах погас довольно скоро. Спать лёг только один из сторожей (это Анна знала наверняка), второй направился в дозор. Третий же сторож так и не вернулся, пока что. Момент для побега мог быть близок к идеальному, Лемов даже шёпотом помечтал, что они могут украсть запасы сторожей и сбежать с ними. Но чтобы так получилось, нужно сперва открыть замок не разбудив спящего сторожа. Пусть даже они разбудили бы его, один сторож – не трое, особенно если он не ожидает нападения.

Ночь тянулась медленно. Пару раз Анна разочаровывалась в своих попытках. Возможно, лучшим решением был отдых, так она могла набраться не только духовных, но и физических сил. Шанс мог представиться и позднее. С другой стороны, если их отведут в один из пограничных фортов, сбежать оттуда будет в несколько раз сложнее. Но Анна всё равно не представляла что делает, правильно ли она это де-

лает и даже чего в итоге планирует добиться. Даже если свет удастся вызвать, то как им пользоваться было непонятно, а как можно напасть на живых людей с помощью этого света, когда потребуется, тем более. Пытаясь медитировать, как подсказывала ей Осина, Анна просто провалилась в тревожную дрёму, а потом проснулась в ужасе.

Начало светать. От усталости мир казался сюрреалистическим. Анна чувствовала небольшую тошноту и болезненное покалывание в горле. Сторож тем временем проснулся и суетился по хозяйству. Вскоре объявился и второй. Шанс улизнуть незаметно был утерян. Когда раннее утро стало поздним, к клетке подошёл главный сторож, потрясая своим пузом. Вид троицы его малость позабавил:

– Да, неудобно вам тут, поганки вы эдакие, – весело сказал он. – Но сейчас время такое, знаете ли. Все готовятся задать жару злодеям, знаете ли. Непросто это, да. Поймаешь кого – хотя тут и нечасто такое бывает, – так надо же, чтобы конфискат был какой-никакой. А с пустышками, голодными шмакодявками, никто особо не хочет возиться. Так что, вы уж не серчайте, детишки. Посидите пока, мы вас покормим, уж так и быть.

– Может, и водички дадите попить? – спросил Лемов.

– Это да. Про водичку-то мы и забыли! – заулыбался главный. – Нечасто у нас тут пленники отдыхают, нечасто. Эх, да я бы вас и отпустил даже. Но ведь послал же уже парня с докладом! Ладно, сейчас будет...

И он снова удалился. Закончится этот кошмар ещё нескоро. Анна была выжата досуха, никакая вода ей не поможет. Сидеть им здесь ещё долго, а там уже жди печальный конец.

– Не п...получается, Анна? – слабым голосом спросила Осина.

– Нет. Это не работает. Ничего не работает.

– Попробуй воспоминания.

– Что?

– Я тут думала п...понемногу, – ответила Осина. – Есть же причина, почему ты стала хранительницей. Я бы сказала, где-то в тебе есть с...светлый уголок. Буквально.

– Осина, я не могу больше... это полная чушь.

– Ты не стараешься! Не путай дар с п...подарком! Нужно развивать его, д...делать усилия!

– Я и делаю!

– А я думаю, ты п...пользуешься своим разумом, а не внутренней силой! Когда ты п...позвала силу тогда, разум тебе не мешал! Это был именно н...нужный способ!

– О как, – вставил Лемов. – Нужно быть тупым, чтобы вызвать силу...

– Нет, нужно п...принять силу, какая она есть! Внутри себя!

Как отличить разум от внутренней силы? Анна точно уже ощущала стихию, в которую поверила с таким трудом. Неужто она ещё не убеждена достаточно, чтобы пользоваться ей? В глубине мыслей и чувств она не хотела быть храни-

тельницей, что бы это ни значило. И она боялась этого. Но сейчас страшнее был другой исход, нужно взять себя в руки.

Воспоминания? Анна посмотрела на залитую солнцем поляну у дома сторожей, цветы и тени деревьев. Мысленно она заменила этот образ своим: яблоневый сад около родного дома, блики тёплого летнего солнца, скользящие между яблонями; комната, освещённая утренним светом, где она просыпалась много лет; любованье звёздами в то время, когда полагалось спать. Все самые лучшие воспоминания были о том, как беззаботно она жила когда-то. Один из образов получился настолько реальным, что она даже потянулась к одному из яблок, чтобы сорвать его с ветки. Но образ исчез, а вместо яблока к её ладони потянулись светящиеся белые ленты, взявшиеся из ниоткуда. Сияющие, ослепительно белые, они ползли в каждый палец её руки, протянутой сквозь прутья решетки.

– Свет твой друг, Анна, – благоговеющим шёпотом сказала Осина.

– Ты права, – Анна почувствовала, что плачет, – его я любила больше всего.

Все цвета преобразились! Нет, их стало больше, в тысячу раз больше! Теперь свет не только лился с небес, светилось всё – всё, что было вокруг, и каждое своим особым светом. А солнечный свет был словно живым, она почувствовала, как трава, деревья и цветы жадно пьют его, впитывая с ним самую жизнь. Образы, что она представляла раньше, снова ожили

в её памяти, но стали ярче. Теперь в них тоже всё сияло и светилось разными цветами, и кто-то будто звал её, как-то внутренне, без звуков и даже без слов: «Искорка, Искорка». Это нечто радуется их новой встрече.

С усилием Анна поднялась на ноги, благо хоть стоять в этой камере можно было без проблем. Её пошатывало от усталости, а от буйства красок и эмоций она отчасти потеряла ощущение своего тела. Немного привыкнув вновь стоять на ногах, она вновь мысленно позвала. На зов явился крохотный огонёк, невероятно яркий, белый, окружённый ореолом свечения. Он летал вокруг неё, будто светлячок, и как мотылёк он тянулся к ней, хотя светом был он, а не она. Это был чистейший кусочек света, связанный с ней какими-то необъяснимыми узами. Она звала ещё, и их стало больше. Светлячки окружили хранительницу, хороводом вращаясь вокруг. Анна вытирала слёзы руками.

К клетке снова подходил главный из сторожей, он нёс в руках небольшой котелок с поварёшкой, в котором парила каша, а также чарку с водой. Главный остолбенел, заметив светлячков, в танце окруживших Анну. Челюсть у него отвисла, он просто встал и пялился, пытаясь осознать. Анна уже знала, что может сделать. Её зрение так изменилось, что теперь она видела тысячи деталей, незаметных раньше. Взмах руки, и светлячки слились в яркий луч и разом ударили по одной из ржавых дверных петель. На смену одним огонькам появились другие. Следующий взмах снёс вторую

петлю, и дверь повисла на одном замке.

Главный бросил всё, что держал в руках, и попятился назад, крича что-то другому сторожу. Анна не хотела ему вреда, она плавно повела рукой, и светлячки ринулись вперёд, они почти мгновенно нагнали сторожа и пихнули его – он полетел лицом в землю. Анна вышла из клетки, за ней последовали и остальные: Лемов немного прихрамывал, Осина шла неуверенно и выглядела поражённой. Странно, ведь именно она подсказала ей способ, но не ожидала результата.

Когда откуда-то выбежал второй сторож, вооруженный довольно длинным боевым ножом с несколькими долами на лезвии, Анна пригрозила ему:

– Уходите отсюда! Забирай своего командира! Уходите!

Парень явно испугался. Её внешний вид, видимо, ярко продемонстрировал угрозу.

– Пойдём лучше, пойдём, – звал его главный, поднимаясь сначала на колени, а потом уже на ноги. – Это колдунья!

На лице парня читался ужас, он отступил. За ним последовал и главный сторож. Анна не желала им зла.

– Что ты там говорил про припасы? – спросила она у Лемова.

Ночь

Июль – Август, третий год Патриарха.

Снова крыши, проклятые крыши. Нынче это слово наполнило жизнь Цимбы, занимая её значительную часть. Тёмные предпочитали путешествовать именно по крышам. Они не могли перемещаться слишком далеко с помощью тьмы, потому использовали крыши как промежуточные площадки. Кое-где можно было переходить с дома на дом и вовсе безо всяких особых сил, обычным прыжком. Только риск упасть был велик, но Цимба пока не умела перемещаться, потому пользовалась лишь своими ногами с подстраховкой силы. Теперь Цимба вызывала силу достаточно легко, по крайней мере, по вечерам и ночью. Летнее солнце сильно ослабляло тёмных, затрудняя вызов силы и увеличивая её расход в середине дня. Даже Дэнсу стало сложнее, он теперь проводил дни в каком-то из местных подвалов, где когда-то лежала в темноте Цимба. Он медитировал и пытался, с его слов, проникнуть во тьму поглубже.

Катерина и Вирк становились всё более надоедливыми. Если к Дэнсу Цимба испытывала смешанные чувства, то двое его учеников вызывали лишь раздражение. Вирк прямо говорил, что Цимба – нахлебница, и они вынуждены кормить её и одевать честно награбленным добром. Правда, одежда, выданная тёмными, сводилась к грязно-зелёно-

му комбинезону, предназначенному для скольжения во тьме. Ещё Дэнс подарил Цимбе модный берет, чтобы она прятала под него свои длинные волосы – так было меньше шансов, что девушку узнают. Остальные же вещи Цимба носила с момента похищения, пару раз простирнув в небольшом тазу, благо хотя бы они были все чёрного или тёмно-коричневого цвета и пачкались не так сильно.

Катерина завела дурную привычку называть Цимбу сестрой при личных встречах. Каждый раз у Цимбы ёкало сердце при этом слове, так как вспоминалась родная сестра. Ориану, её драгоценную сестрёнку, суд оправдал, указав, что девушка не была магессой, и её просто перепутали с близняшкой. Однако судья также отказал в возмещении, ссылаясь на существенный вред, потенциально предотвращаемый при аресте. После трёх недель заключения Ориана была больна и почти не выходила из дома, вероятно, она подцепила какую-то заразу в стенах городской тюрьмы.

Катерина теперь учила Цимбу перемещению. Каждую ночь они уходили на несколько кварталов по крышам, чтобы остаться незаметными для охраны порядка, и Цимба тренировалась на очередном заброшенном чердаке. Конечно, учить Цимбу мог бы и Дэнс, но вмешалась банальная стыдливость: новичок не мог переместить ничего, кроме своего тела. Чтобы делать прыжки через тьму в тонком комбинезоне, нужны месяцы тренировок – по крайней мере, так было у остальных, – потому приходилось раздеваться догола. Даже

присутствие Катерины очень смущало Цимбу, задумываться о тренировках с Дэнсом, годившимся ей в отцы, она не собиралась.

Между тем отца Цимбы уволили с работы, больше он не был помощником судьи и никак не мог найти заработок. Мама всю себя отдала на лечение Орианы и уход за ней, потому тоже не работала. Люди показывали на семью Шиглен пальцами, будучи уверенными, что они сторонники магии и колдовства. А охрана выставила у их дома наблюдателей. Знает ли семья об этих соглядатаях или нет, Цимба не имела понятия, но их видел Дэнс, а затем он показал их и Цимбе.

– Ни в коем случае не ходи больше туда, – наставлял её Дэнс. – Пока ты не способна быстро убежать от боя. Это очень опасно!

– Ты не можешь это понять, потому что у тебя нет семьи, – резко отвечала Цимба. – Как я могу не переживать за сестру, если это из-за меня?..

– Нет. Ты стала хранительницей, но это не событие вины, это не ошибка, – пуще обычного нахмурился Дэнс. – Я склонен полагать, что ты всегда была ею, только проявилось это в неподходящий момент.

– Если бы не магия, то всё осталось прежним, – грустно ответила Цимба. – Кстати, почему столько людей стали хранителями на площади? Сначала те казнённые, затем я... В главной площади есть нечто особенное?

– Думаю, это не более чем совпадение, – покачал головой

Дэнс. – Возможны тысячи причин, которых мы никогда не узнаем. Может, дело в особом моменте, в происходящем на площади или отношении к нему.

– Весенний праздник сделал их хранителями, а их смерть сделала хранителем меня, – тихо рассуждала Цимба. – Или то место просто проклято...

– Плоский разум вечно ищет объяснение в чём-то монументальном, – философствовал Дэнс. – Всемогущий бог или незримое проклятие, демонические силы или необъяснимый заговор...

– Это как раз тот случай, когда всё перечисленное возможно!

– Обычно самое простое объяснение ближе всего к правде.

– И какое самое простое объяснение к борьбе между стихиями? – вступила в привычный спор Цимба. – Зачем это? Какой смысл?

– У меня есть кое-какие соображения, но они могут быть совершенно неверными, – мелодично ответил Дэнс. – Не хочу забивать твой разум догадками, сойдёмся на том, что я не знаю ответа. Возможно, в нём кроется и один из ключиков к победе.

– Тёмный мир... – устало пробурчала Цимба. – Мне и обычный мир нравится.

– Кто-то победит. Рано или поздно. И пока этого не случилось, не ходи к своему дому. Тебя заметят!

– Прости, Дэнс, но я не могу! – заявила Цимба. – Я обязана приглядывать за сестрой, даже если она об этом не узнает! Мы с ней – части одного целого, сёстры. Невозможно разделить сестёр, особенно таких, как мы.

– Начни привыкать к твоему родству со стихией! Тебе придётся отпустить обычную жизнь, чтобы понять больше о тьме. Она, в некотором смысле, тоже твоя сестра!

* * *

Регулярно Цимба пробиралась в этот район, забиралась на крышу соседнего дома и глядела, как её сестра укладывается спать. Поздним вечером можно было забраться на крышу без особого риска. Но она приходила сюда и днём, иногда. Правила нынче ужесточились: горожан призывали не ходить по улицам без надобности, большей частью запрет работал по ночам. Нарушать запрет было крайне опасно, но выручали крыши, проклятые крыши.

И она приходила сюда снова и снова. Зачем? Цимба и сама не знала. Сестра была её неотъемлемой частью, продолжением её самой. Они близняшки, похожие, почти неразличимые. Нельзя разделить неразделимое, нельзя разделить и сестёр. Теперь, правда, их сходство немного ушло: после освобождения из заключения Ориана постриглась коротко и заметно исхудала. Болезнь вычерпывала силы Орианы всё сильнее, похоже, лекарства не помогали ей. Быть может, у

родителей не было средств, чтобы лечить её, хотя Цимба знала, что отец очень запасливый человек, у него наверняка остались сбережения на чёрный день. Этот день во всех иронических смыслах и правда настал, и был чернее некуда, как сама темнота.

Пора было уходить. Вечер был жаркий, сидеть на крыше было тяжело. Ориана так и не вышла сегодня на балкон, а шторы на окнах были плотно задёрнуты. Ничего, она придёт к сестре ещё раз, а сейчас нужно возвращаться. Поднявшись, она пошла по крыше назад. Отойдя немного, Цимба выставила руку, мягко повела ей, призывая силу, как уже привыкла делать. Чёрные ленты вошли в пальцы, и мир снова потемнел. Таким город нравился Цимбе куда больше. В этом состоянии цвета меркли, свет становился тусклее, границы предметов несколько размывались. Окружающий мир казался нарисованным на холсте художником, страдающим от неразделённой любви, неутолимой тоски или печали. Но мрачность и своеобразная «нарисованность» придавали домам и людям более гармоничный вид, всё становилось более простым, неброским, не кричащим, спокойным. В таком мире, в таком городе, хотелось остаться, думалось Цимбе, в такие моменты она будто понимала Дэнса и даже почти разделяла его жажду сделать мир тёмным по-настоящему.

Идти по крышам было опасно, но сила уберёжёт её в случае падения. Ещё одну опасность представляли люди. Хотя сама Цимба не могла вспомнить, когда ей приходилось

смотреть наверх в своей жизни, но люди делали это чаще, чем можно подумать. Мальчишки задирали голову, стараясь уследить за летящей птицей, прохожие высматривали облака на небе, пытаясь предсказать погоду, кто-то смотрел на окна верхних этажей, высматривая знакомых или ещё что. Опасность поднять тревогу была самой острой из всех. Конечно, люди не стали бы сразу кричать про колдунов – да и с чего? – но вид девушки, лазающей по крышам, мог взбудоражить разного рода впечатлительных личностей. А если сюда сбегится охрана порядка, то будет беда, ведь без способностей к перемещению Цимба была очень уязвима.

Через полчаса Цимба уже спустилась с очередной крыши в соседнем районе. Чтобы забираться и спускаться с крыш прямо во дворы, нужны были старые дома, в которых имелись внешние лестницы; в более современных эти лестницы перенесли внутрь дома, где был риск столкнуться с его жителями, к тому же там были запирающиеся люки. Это была самая опасная часть: кто-то мог смотреть в окно, а любитель пялиться на невыразительный дворик так же мог любить доносить на подозрительных девушек. В этот раз такого любителя вроде бы не нашлось, и Цимба надела свой модный берет, подобрала волосы, а затем вышла на основную улицу.

Нужно поспешить домой (если их чердак можно называть таковым), пока не начались внезапные проверки документов, введённые около недели назад. Теперь любого прохожего могли остановить для досмотра, посмотреть бумаги, за-

дать вопросы. Внезапность проверок, впрочем, была чисто формальной: владельцы различных торговых точек, начальники рынков, почтовые и некоторые другие люди, – они всегда знали, когда начнутся проверки на улицах. Можно только гадать откуда.

Из двора Цимба попала сразу на проспект Героя Генриха, названный так в честь какого-то, никому не нужного древнего полководца. Отсюда её путь был всегда одинаковым: пару кварталов по проспекту в сторону развалин стены, затем на маленькую улочку с библиотекой, а оттуда уже по улице Перьев, и дальше по ней же к более скромным районам. Прохожих на проспекте было много, все суетились и спешили – попасть под проверку было мало желающих. Если люди и дальше будут знать заранее и разбегаться перед проверками по домам, то солдатам и охране вскоре придётся проверять друг друга.

Всматриваясь в прохожих, Цимба вдруг заметила знакомое лицо Катерины, ученицы Дэнса. Она стояла прислонившись к стене прямо у поворота на ту маленькую улочку, куда Цимба как раз собиралась идти.

– Эй, гуляешь? – вопросом поприветствовала её Катерина.

Сегодня она была не в своем обычном наряде: Катерина сменила комбинезон на бежевое платье, повязала на голову ленту, чтобы быть чуть более неузнаваемой, надела лёгкие туфельки. Она всегда коротко стрижена, а теперь, одевшись

так, могла считаться очень модной. Старшие дамы неодобрительно поглядывали на молодую девицу, даже спешно проходя мимо. В Георге стало принято блистать летом, год за годом молодые девушки всё больше раздевались, обнажали различные части тела, укорачивали юбки, ведь зимы длинные – покрасоваться можно только несколько месяцев.

– Пытаешься найти нового ухажёра? – съязвила Цимба.

– В некотором роде, – улыбнулась Катерина. – Ты же знаешь, Вирк просто душа. Но Дэнс говорит, что в городе появился ещё один хранитель. Он прячется тут неподалёку. Может, мне его захомутать?

– Ещё один тёмный?

– Вряд ли, – пожала плечами Катерина. – Но вроде умеет что-то делать. Дэнс сказал, что видел применение силы, и просил сходить посмотреть, что незнакомец там задумал. Вирк потратил много сил на рейде, он не пойдёт. Так что, только ты и я. Пора тебе поучаствовать в нашем деле.

– Сейчас проверки начнутся, – предупредила Цимба.

– Мы отсидимся дома у нашего нового друга. По домам они ещё не шастают, наверное.

– А если он на нас нападёт? С чего такая срочность?

– Хуже будет, если он исчезнет, как мы его тогда найдём? Нам ещё повезло, что мы его вообще заметили, можно сказать, случайно. Дэнс велел срочно идти и разузнать!

– Не проще ли тебе просто переместиться туда сразу? Мне обязательно идти?

– Я ведь сказала, что потратила много сил. Мне хватит на ещё один прыжок, но не больше. Вирк и вовсе выжат досуха. Пойдём, прикроешь меня, ты уже умеешь.

– А чего это Вирк потратил больше силы, чем ты? – подозрительно спросила Цимба.

– Больше ей пользовался, уж наверное! Хватит спрашивать, пошли!

Катерина подтолкнула её вперед. На маленькой улочке имени некого «М. Аян» была только массивная библиотека, а с другой стороны была стена жилого дома, но отсюда в него нельзя было попасть. Сразу за этой улочкой начиналась улица Перьев, названная в честь минувшего века. Цимба родилась в веке Перьев и слышала много легенд о его названии. Официально церковь утверждала, что в последний год века Зари церковные охотники поймали и уничтожили последних мифических птиц с ярко-красным оперением, и принесли эти перья патриарху. Это событие будто бы ознаменовало новый век достижений цивилизации, взамен суевериям и глупости. Птицы считались волшебными в некоторых культурах, что активно осуждалось в Георге. Тогда про монахов, колдунов и всяких пироманов ещё никто не слышал. Улицу переименовали незадолго до начала века Патриарха, чтобы оставить память о прошлом.

– Ты готовишься к нашему ночному занятию? – спросила Катерина, пока они шли дальше.

– Я очень хочу научиться, ты знаешь, но как к этому го-

товиться?

– По крайней мере, не шляясь где-то среди дня. Мы же тёмные, у нас принято шляться только по ночам.

– Порой ты хуже Дэнса...

– Ошибаешься, я много лучше старого маразматика, – Катерина закатила глаза. – При всей его философии, задумчивости там, он бы пялился на тебя во время таких уроков, уж поверь моему опыту. А я только требую аккуратности, ведь тебе ещё рано бродить одной.

– Я знаю, но... должен же хоть кто-то из вас понимать, как важна семья? Меня вот взяли и выбросили из моей в один миг.

– У тебя теперь новая семья, Цимба. Её, как и первую, выбираешь не ты. И она не обязана тебе нравиться. Но никакая другая тебя больше не примет, – рассудила Катерина. – Считай, что я твоя новая сестрёнка. А Вирк уже практически твой зять. Осталось придумать одно: кто нам всем старый маразматик...

– Дэнс тяжёлый человек, но не плохой. И не такой уж и старый!

– Душой он уже давно высох весь. Мир во тьме – отборные бредни. Вначале я тоже была не против. Даже разделяла его страсть, но он так это всё рассказывает, как будто во тьме можно только ныть и страдать. А ещё слушать звуки заунывной музыки и пребывать в святом неведении о внешности мира. А ведь жизнь создана для наслаждений!

– Не думаю, что тьма это стихия наслаждений. Самое красивое и интересное остаётся при свете. Если мы о подлинной тьме...

– Ах ты, бедная, юная Цимба! Ведь во тьме больше всего наслаждений!

– А теперь ты хуже Вирка...

Катерина много критиковала Дэнса и его философию. В целом Цимба присоединялась к ней, но по мере того, как они узнавали друг друга, Катерина стала слишком уж сильно выражать недовольство. Критика учения перешла просто в оскорбления. Однако при самом Дэнсе она ничего не говорила. И хотя Цимба тоже многое не разделяла во взглядах Дэнса, Катерина нравилась ей не больше него. Причины были разные, начиная с её задорно-безразличного стиля жизни и вплоть до Вирка, её парня, которого Цимба просто терпеть не могла.

Наконец они дошли до самого начала улицы Перьев, где она упиралась в дом культуры и перекрёсток. Здесь стояло старое общежитие, принадлежащее ранее городскому театру, нынче проданное какой-то частной компании. На двойных дверях общежития висела табличка: «Комнаты. Сдаются. Спросите налево». Катерина фыркнула и вошла внутрь, Цимба нерешительно последовала за ней. Они не пошли «спросить налево», а стали подниматься по большой каменной лестнице, идущей от стены к стене шагом в пол-этажа. Везде было одно и то же: длинный коридор и множество две-

рей. Раньше здесь жили актёры, но нынче место хирело, им более никто не пользовался. Мама Цимбы любила театр, она много рассказывала дочери о нём, включая печальную историю расточительства и растрат, приведших к текущей ситуации.

На третьем этаже – он же был последним – Катерина нашла нужную дверь. Стоило спросить, откуда она так точно знала, куда идти. Но изнутри комнаты ударил резкий запах, и Цимба сразу же об этом позабыла. Дверь была не заперта, но зато окна были наглухо задраены и все щели заткнуты какими-то тряпками, словно специально, чтобы не проветривалось. Комната была маленькая и вся завалена разного рода тряпьем и барахлом. На односпальной кровати спал, похрапывая, молодой мужчина, именно он был источником жуткого зловония. Между кроватью и стеной виднелись несколько бутылок, грубо засунутых туда, как в мусорное ведро.

– Я слышала, как церковники описывают магов, – заткнув нос рукой, начала Катерина, – как подлых и беспринципных лжецов, которые способны втереться в общество под видом простых людей. Слышала такое? А вот этот подло притворяется пьянчугой. – И она толкнула спящего ногой, но тот не проснулся. – Негодяй! Как он смеет, его же невозможно разоблачить!

– И что будем делать? – Цимба не обращала внимания на сарказм своей спутницы.

– Дэнс велел выяснить его мотивы. На случай, если он

пришёл с севера, ну вроде как разведчик... – Катерина закатила глаза и покачала головой, она вообще любит так делать.

– И что, нам торчать в этой вонище, пока он не проснётся? Проверки же!..

– Не «же», а «уже». Уже начались, – скривилась Катерина. – Давай окно откроем, что ли.

Окно было упрямым: задвижка так заржавела, что не хотела поддаваться, а когда наконец поддалась, то окну стали мешать тряпки, намертво склеенные с оконной рамой. Кто это сделал, зачем и сколько лет назад, оставалось только гадать, хотя гадать по этому поводу желания не было. Открылось окно со страшным кряхтящим звуком, составленным из звуков трущейся древесины и металлического скрипа петель. В комнату начал попадать свежий воздух, но он нёс с собой и жару. Вместе с температурой начали подниматься и новые запахи, а старые будто усилились.

– У него тут сдох, что ли, кто-то? – брезгливо произнесла Катерина. Пока она высунула голову в окно, чтобы дышать уличным воздухом, Цимба придерживала дверь, норвившую закрыться от сквозняка. Была ещё надежда выветрить отсюда это смрад и дожидаться вытрезвления этого человека, хотя что именно ему говорить и зачем Цимба не представляла.

– Это что это такое?! – раздалось прямо в ухо Цимбе. Сзади подошла отвратительного вида старуха с кучей бородавок, но в хорошей, опрятной одежде и в цветастом платке по

старой моде.

– Мы... – начала Цимба, но придумать какой-то ответ не успела.

Старуха выглядела возмущенной до глубины души, рассматривая пьяного парня и его гостей. Бардак тоже её не радовал.

– Кошмар! Опять пьяный, повсюду раскидал свою дрянь, ещё и двух девок привёл! – Она вскинула руки и таращила глаза на Цимбу. – Я его предупреждала, я ему сказала! Два дня назад сказала, а он и двух дней не выдержал! – Она грозила пальцем и обращалась не пойми к кому.

– Вы бы хоть поздоровались, – презрительно подняла брови Катерина. – Мы просто в гости пришли, а он спит...

– Что ты там лопочешь, шлюха?! Я его предупреждала и второй раз говорить не буду! – Старуху захлестнула остервенелая ярость. Она кинулась к ближайшему окну в коридоре и начала безумно дёргать его, пытаясь открыть.

– Что она?.. Проклятье, надо убираться отсюда! Безумная тупая корова устроит нам проблемы! – засуетилась Катерина. Они ожидали неприятностей от хранителя, быть может, но не от случайных прохожих.

– Охрана! Охрана! – кричала старуха в открытое окно. – Идите сюда, немедленно! Третий этаж!

– Проверка же! – выдохнула Цимба. – Их там полно! Говорила же тебе, нельзя сейчас было идти!

– Дэнс сказал срочно! Что я тебе?!

– А то, что глупость сделали!

Пока они препирались, старуха закончила орать и закрыла окно. Очевидно, она была довольна результатом и новые вопли не требовались. Лестница вниз только одна, а значит по ней и будут подниматься охранники. А возможно, и солдаты, если им уж совсем не повезёт. Катерина отступила глубже в комнату и начала вызов силы.

– Да ты с ума сошла! – вскрикнула Цимба. Она отошла от двери, и та захлопнулась прямо за ней, от сквозняка.

– Куда?! – крикнула старуха вслед закрывающейся двери. Цимба инстинктивно закрыла дверь на хлипкую защелку. Дверь тут же задёргалась, её пытались открыть с внешней стороны, но не сильно, и она держалась.

– Ты драться с ними хочешь?! – Цимба обернулась к Катерине.

Та стояла у окна и раздевалась, снимая всё, что было на ней, и скидывая одежду на пол. Её глаза, а точнее радужки глаз, уже стали чёрными – стихия была с ней.

– Ты что творишь?!

– Я похожа на дуру, чтобы драться с ними, имея едва ли чуть силы после рейда? – ответила Катерина. – Мало ли что у них там за оружие! Да и документов у нас нет – не отвертись! Я не попадусь в такой тупой ситуации!

– А мне что делать?

– Либо прыгай вниз, либо думай, что соврать! Может, и повезёт! – с каменным лицом ответила Катерина.

Через мгновение она стала наполняться чёрным цветом, по-прежнему не отводя взгляда от Цимбы, и растворилась в чёрном пятне. Пятно и Катерина исчезли, остались только пьяный мужчина, Цимба и куча барахла, к которому добавилась теперь и вся одежда Катерины.

– Откройте! – Постучали в дверь. Голос был решительный и грубый. – Нам сообщили о нарушении порядка!

Теперь это было новой нормой. Цимба уже видела, как группа солдат выводила кучу пьянчуг из питейных или снимала мелкие семейные ссоры. Установка была чёткая: внушить горожанам впечатление полной защищённости от магических атак, путём создания образа крайне сильной и дисциплинированной охраны. Дело было не в пьянчугах, дело было в зеваках, ведь они потом будут говорить о том, как же лихо нынче работают охранники! И, уж конечно, с такой охраной не пропадём, а желание работать так стройно и чётко проснётся в целой веренице добровольцев.

– Открывайте! – Дверь задёргали сильнее, чем дёргала старуха. Недолго этой двери ещё быть целой.

Ничего не оставалось, кроме как вызвать силу. Тьма явилась, как ей и было приказано, путём просачивания чёрных лент в пальцы Цимбы. Дверь пару раз рванули, слышался треск. Сила явилась, но что дальше? Она точно не успеет научиться перемещаться за оставшиеся секунды. На пару мгновений Цимба задумалась, что стоит всё же попробовать, но вспомнив о необходимом условии, она сразу выки-

нула эту мысль из головы – это было бы унинительно и ещё более глупо.

Дверь открылась. Косяк, вместе с входящей в него задвижкой, окончательно развалился, будучи уже гнилым и трухлявым. В комнату решительно вошёл человек в парадной, чистой, выглаженной форме охранника, вооруженный коротким мечом в солидных ножнах с обрамлением из золотистых нитей. С пышными усами и в блестящей каске, он смотрелся здесь максимально неуместно, как будто сам царь запада пришёл в жилище бродяги. Он секунду смотрел на обстановку, после чего плотно сжал губы. Похоже, картина была ему ясна. Охранник задержал взгляд на нижнем белье, оставленным Катериной.

– Пьянство и разврат в нынешнее время... – начал он выставленным, официальным тоном.

Пьяница неуверенно приподнялся в кровати и чуть с неё не упал. Цимба колебалась ещё лишь мгновение, ведь когда они поймут, кто она, если разглядят необычные глаза... Едва охранник перевёл взгляд на пьянчугу, Цимба резко вскочила на подоконник и просто прыгнула вниз из открытого настежь окна.

Этажи в этом доме были выше обычных и падать было дальше. Цимба не смотрела вниз, для неё пронесли лишь образы соседних строений. Она со всей силы приземлилась на правую ногу, послышался хруст, и боль пронзила самое естество её разума. Даже крик захлебнулся в боли и так и не

смог вырваться наружу, тело свело, дыхание перехватило.

– Вон она!

– Великие предки! Прыгнула!

Сверху кричали мужские голоса. Боль начала отступать, когда Цимба почувствовала рядом роение тёмных лоскутков. Она открыла глаза, нога ныла, но сильной боли уже не было. Она лежала на спине прямо под окном, из которого и выпрыгнула. Это был очередной двор, но очень чистый и просторный – задняя сторона какого-то городского учреждения.

– Смотри – чернявая! Говорю тебе, это её судили тогда, я рядом стоял, когда её вели!

– Хватит орать, давай арбалет!

Цимба поднялась. Задрав штанину, она увидела наполовину зажившую рану на правой ноге. Нога явно была сломана, только что, кость проткнула кожу, но тьма вылечила её, насколько смогла. Это дорого обошлось: Цимба чувствовала, что сил у неё стало куда меньше. На ногу ещё больно наступать, однако боль хотя бы была терпимой. Хромая она пыталась идти прочь отсюда, хоть и понимала, что с такой скоростью не уйдёт далеко.

«Как же глупо получилось, – думала Цимба, – а Катерина просто сбежала».

Вдруг новая боль пронзила её тело: справа, лишь немного ниже груди в неё вонзился арбалетный болт, он прошёл тело насквозь и застрял. Кровь начала вытекать из раны, сразу же

обращалась во тьму и исчезала, даже не долетая до земли. Цимба чувствовала, что её темная сила меркнет. Пока стихия с Цимбой, кровь будет возвращаться в неё обратно, сама собой, но лишь до тех пор, а потом её уже не спасти.

– А-а-а! – закричал сзади кто-то.

Обернувшись, Цимба увидела, как охранник падает сверху. Неужели он прыгнул за ней? Наверху завязалась драка, кто с кем дрался было не видно, только шум, звон и знакомые крики старухи. Цимба не отошла от дома и на полсотни шагов, и всё больше понимала бессмысленность таких попыток – очень скоро ей выбегут навстречу. Голова ещё одного охранника разбила стекло закрытого окна той комнатухи, примечательно, что каски на охраннике уже не было. Ещё удары и громкий вскрик, а затем из окна высунулась рожа пьянчуги. Он хмуро и заспанно огляделся, а затем встал на подоконнике задом к улице. После этого он начал спускаться вниз, откуда-то у него была верёвка, ярко-зелёная верёвка, чем-то похожая на лозу, но очень толстая и неестественного цвета.

Цимба истекала кровью, пусть пока кровь и возвращается к ней через тьму, но продлится это недолго. Истечь кровью сравнительно лучше, чем задохнуться на виселице, думалось Цимбе. Но если этот пьянчужка ей поможет, возможно, шанс ещё есть. Она сделала движение рукой, приказывая тьме сломать древко арбалетного снаряда, что немедленно и произошло. Вытащив из себя болт, Цимба осела на зем-

лю. Во двор медленно и важно зашли ещё охранники, всего двое, похоже, они не очень серьёзно отнеслись ко всей этой ситуации. С другой стороны к ней подходил пьянчужка-хранитель, его радужки глаз были настолько зелёными, что, казалось, светились, но при его приближении Цимба заметила в них и явные тёмно-серые вкрапления.

– Природа? Твоя стихия? – спросила она слабо, дышать стало тяжелее.

– А ты кто? – взмахнул он грязными и довольно длинными как для мужчины волосами. Он него несло перегаром.

В этот момент двое охранников заметили лежащее под окном тело своего свернувшего шею соратника и голову второго, торчащую из окна. Ещё более выглаженные, чем предыдущие, с напыженными волосами, они явно такого не ожидали. Они оба выхватили оружие, такие же короткие мечи, как и у всех охранников нынче. Один из них стал раскачиваться туда-сюда, из стороны в сторону, заставляя всякие веревочки и ленточки на своей форме болтаться.

– Стоять! – прямо взвизгнул охранник, не прекращая своего боевого танца.

Зеленоглазый резко дёрнул рукой, и не пойми откуда вылетел рой зелёных лоскутков, но более круглых и чётких, чем у тёмных хранителей. Странные зелёные сущности мгновенно сложились вместе, срослись в толстую лозу, новые сущности впитывались в лозу, поддерживая её очень быстрый рост. Вырастая, лоза ударила танцора-охранника в грудь, и

тот упал. Второй пытался увернуться, когда зеленоглазый стегнул его лозой, как плетью, но не смог. Раздался крик, охранник упал. Оба напомаженных пытались подняться на ноги.

– Увальни, – буркнул зеленоглазый пьянчужка. – Но сейчас ещё нормальные набегут. Хватайся!

Он сказал это Цимбе, но у неё не было больше сил. Каждое движение справа давалось с болью, а каждое движение вообще ослабляло, угрожая лишить сознания. Зеленоглазый схватил её, бросил лозу и тут же сделал ещё одну. Вырастающая, новая лоза практически выстрелила вверх, зацепилась за что-то и потянула их за собой. Они медленно поднимались вертикально вверх. Сквозь пелену Цимба разглядела старинную печную трубу одного из местных зданий, хотя такими трубами нынче пользовались нечасто. За эту трубу и зацепилась лоза, а теперь сама собой тянула их обоих наверх, уменьшаясь в длине.

– Ты посмотри!

– Вот это да!

– Демоны проклятые!

Снизу вопили «увальни». Когда же Цимба с зеленоглазым поднялись наверх, суета снизу начала усиливаться – сбегались ещё люди. Цимба ещё раз вздохнула, и силы оставили хранительницу. Она почувствовала, как тьма покидает её, а вместе с ней и сознание.

Лёд

Август, третий год Патриарха.

Это долгое путешествие, эта затянувшаяся прогулка, это надоевшее приключение, – всё должно было когда-то закончиться. Хотя могло и не закончиться никогда. Лемов уже представлял, как вечность будет ходить по густым лесам, шарахаться от волков и от всякого местного населения. Может, и не вечность, но до самой старости. Другая мысль вызывала несколько большее беспокойство: рано или поздно вся эта лесная благодать сменится зимней холодной чашей. В жаркую погоду августа мысли о прохладе казались заманчивыми, но в целом зима была для их компании смертельным врагом.

Лето прекрасно, но в нём было и некое притворство, столь неприятное Лемову. Внешний вид столько обманчив, столь вкрадчив. В жаркие месяцы они наряжаются как можно более открыто, стараются привлечь внимание. Это ослепляет, но не даёт видеть суть, которая глубже. Стройный образ подменяется дразнящей ловушкой, скрывающей неприглядную суть.

«Блеск, сплошной блеск, но только дураки ведутся на блеск», – думал Лемов.

За цветами и блеском порой не видно уже никакой красоты, остаётся только погоня за пышностью, самой короткой

юбкой, самым ярким цветом и самой кричащей причёской. И красота целиком тает в этом водовороте, остаётся только всё это – то, что они выдают за неё.

Пока девушки купались в реке, Лемов сторожил лагерь и мысленно общался сам с собой. Путешествие нынче замедлилось: измотавшись за первую часть пути, они стали отдыхать чаще и дольше. Река манила девчонок к себе так сильно, что они часами могли плескаться в ней, замедляя поход ещё больше. Не помогало делу и наличие тяжёлого груза, состоящего из вещей, отобранных у пограничных сторожей. Троица забрала тачку с двумя длинными ручками (возможно, самодельными), они нагрузили её мешками с крупой и укатали с собой. Ещё они отобрали назад свои деньги, отсыпали у сторожей сахара и конфет, а также набрали разных мелочей в дорогу. Таскать тяжести по лесам оказалось крайне неудобно, но выбора не было, так как запас пищи был им решительно необходим.

Теперь Анна могла ловить рыбу с помощью силы, но получилось у неё это всего два раза, и потому она не могла обеспечивать их пропитанием постоянно. Вообще, светлые силы Анны достаточно плохо сказались на её характере, по мнению Лемова. Она тренировалась почти каждый день, и Лемов уже успел вдоволь насмотреться на это явление. Призыв ярко-белых светлячков был, бесспорно, крайне необычной способностью, а сама Анна во такие моменты походила на ангела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.